

*Я помню
его таким...*

**ВИКЕНТИЙ
ВЕРЕСАЕВ**

ПУШКИН

**В ВОСПОМИНАНИЯХ
СОВРЕМЕННОКОВ –
ДРУЗЕЙ, ВРАГОВ,
ЗНАКОМЫХ...**

**Викентий Викентьевич Вересаев
Пушкин в воспоминаниях
современников – друзей,
врагов, знакомых...
Серия «Я помню его таким...»**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26907213

Пушкин в воспоминаниях современников – друзей, врагов, знакомых...:

Алгоритм; Москва; 2017

ISBN 978-5-906995-04-9

Аннотация

Книга составлена из подлинных документов – свидетельств современников А.С. Пушкина. Это воспоминания, письма, литературные заметки, отдельные высказывания людей, близко знавших поэта, – его друзей и недругов, родственников, светских знакомых. Отобранные В.В. Вересаевым из множества документальных материалов, они убедительно рисуют нравы пушкинской эпохи, позволяют не только полнее представить биографию великого поэта, но и по-новому осмыслить его жизненный и творческий путь.

Содержание

В Москве	5
Перед женитьбой	94
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Викентий Вересаев
Пушкин в воспоминаниях
современников – друзей,
врагов, знакомых...

© Вересаев В., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

В Москве

(сентябрь 1826 – май 1827)

Рождение будущего поэта Москва встретила непрерывным праздничным звоном своих «сорока сороков». Правда, салют был приветствием не новорожденному Александру Пушкину – 26 мая 1799 года до второй столицы дошла весть о появлении на свет внучки императора Павла Марии. Но история умеет по-своему отмечать важные даты: в России, в Москве явился в мир величайший поэт.

Древняя столица Руси была к этому времени большим полувосточным городом, разбросанным, людным и пестрым, с маленькими домишками и барскими усадьбами в центре, с гулками и бревенчатыми и тихими немощеными мостовыми. В переулках Басманной части и Чистых прудов незаметно закладывались основы характера будущего поэта, его строя чувств. Здесь он впервые узнал русскую речь, ставшую потом его судьбой, услышал стихи, увидел живых поэтов и открыл для себя таинственный мир книг. Здесь он в первый раз соприкоснулся с историей. Москва стала для его таланта огромной колыбелью, не сравнимым ни с чем городом его детства.

«До одиннадцатилетнего возраста он воспитывался в родительском доме, – рассказывал Лев Сергеевич Пушкин,

младший брат поэта. – Страсть к поэзии проявилась в нем с первыми понятиями: на восьмом году возраста, умея уже читать и писать, он сочинял на французском языке маленькие комедии и эпиграммы на своих учителей... В 1811 году открылся Царскосельский лицей, и отец Пушкина поручил своему брату Василию Львовичу отвезть его в Петербург для помещения в сие заведение...» Город детства остался позади.

Жизненная дорога повела сначала в сады Царского Села, где пролетело над ним шесть томительных и незабываемо-счастливых лет, совпавших в истории России с грозой 12-го года. Затем – в бесшабашно-праздничный Петербург послепобедных лет; тут он впервые знакомится со славой. «Тогда везде ходили по рукам, переписывались и читались наизусть его “Деревня”, “Ода на свободу”, “Ура! В Россию скачет...” и другие мелочи в том же духе. Не было живого человека, который не знал бы его стихов», – вспоминал впоследствии Пущин. Отныне судьба поэта навсегда соединена с судьбой тех, кто окажется скоро на холодной Сенатской площади...

А.С. Пушкин. Художник О.А. Кипренский, 1827 г.

*«...» Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит «...»*

(А.С. Пушкин, «Кипренскому». 1827 г.)

Первая ссылка. Новые впечатления, люди. Любовь. Новые стихии – горы, море, полуденный воздух, степи; новые народы и страны: Украина, Кавказ, Молдавия, Крым. Но несмотря на прелесть бездыханных южных ночей, на чудеса моря и неба, Пушкин чувствует себя изгнанником. Сердце его тоскует. «Как часто в горестной разлуке, в моей блуждающей судьбе, Москва, я думал о тебе!»

Новый удар изгоняет его еще дальше от Москвы, хотя и приближает к ней географически. По распоряжению верховной власти поэт отправляется «на постоянное жительство в имение его отца сельцо Михайловское». Спасение от печальных обстоятельств, от больших и малых невзгод нелегкого существования Пушкин находит в творчестве. В Михайловском написаны центральные главы «Евгения Онегина», завершены «Цыганы», написан «Граф Нулин», множество лирических пьес. Здесь начат и окончен «Борис Годунов». «Человек и народ. Судьба человеческая, судьба народная» – такова была, если воспользоваться словами самого Пушкина, тема этой трагедии. 14 декабря, немногим более чем через месяц после окончания «Годунова», в Петербурге разыгралась реальная общественно-политическая трагедия – восстание его друзей и единомышленников было жестоко подавлено верными правительству силами. «... В бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои», – в апреле 1826 го-

да сообщает Пушкину В.А. Жуковский о ходе следствия над восставшими. 13 июля того же года вожди восстания были казнены. Пушкин узнает об этом двенадцать дней спустя. А еще через месяц с небольшим он, «по высочайшему государя императора повелению», получает срочный вызов в Москву. В Москву... Что ждет его там?

«Я предполагаю, что мой неожиданный отъезд с фельдшером поразил вас так же, как меня, – писал Пушкин 4 сентября 1826 года П. А. Осиновой, своей соседке по Михайловскому. – ...Я еду прямо в Москву, где рассчитываю быть 8 числа текущего месяца...»

Уже столпы заставы
Белеют; вот уж по Тверской
Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.

Путь до Москвы совершен был Пушкиным уже не с такой молниеобразной скоростью, с какой делал его фельдъегерь в одиночку. Они употребили на него всего четыре дня, и если принять в соображение, что официальный спутник поэта уже второй раз летел без сна несколько ночей по кочкам и рытвинам, то физический закал людей его рода должен показаться действительно богатырским. Фельдъегеря звали Вальшем.

8 сентября они прибыли в Москву прямо в канцелярию дежурного генерала, которым был тогда генерал Потапов, и последний, оставив Пушкина при дежурстве, тотчас же известил о его прибытии начальника главного штаба барона Дибича. Распоряжение последнего, сделанное на самой записке дежурного генерала и показанное Пушкину, гласило следующее: «Нужное, 8 сентября. Высочайше повелено, чтобы вы привезли его в Чудов дворец, в мои комнаты, к 4 часам пополудни». Чудов или Николаевский дворец занимало тогда августейшее семейство и сам государь-император, которому Пушкин и был тотчас же представлен, – в дорожном костюме, как был, не совсем обогревшийся, усталый и, кажется, даже не совсем здоровый.

*П. В. Анненков. Пушкин в александровскую эпоху.
СПб., 1874, стр. 323.*

Небритый, в пуху, измятый, был он представлен к дежурному генералу Потапову и с ним вместе поехал тотчас же во дворец и введен в кабинет государя. К удивлению Ал. С-ча, царь встретил поэта словами: «Брат мой, покойный император, сослал вас на жительство в деревню, я же освобождаю вас от этого наказания, с условием ничего не писать против правительства». – «Ваше величество, – ответил Пушкин, – я давно ничего не пишу противного правительству, а после “Кинжала” и вообще ничего не писал». – «Вы были дружны со многими из тех, которые в Сибири?» – продолжал государь. – «Правда, государь, я многих из них любил и уважал и продолжаю питать к ним те же чувства!» – «Можно ли любить такого негодяя, как Кюхельбекер?» – продолжал государь. «Мы, знавшие его, считали всегда за сумасшедшего, и теперь нас может удивлять одно только, что и его с другими, сознательно действовавшими и умными людьми, сослали в Сибирь!» – «Я позволяю вам жить, где хотите, пиши и пиши, я буду твоим цензором», – кончил государь и, взяв его за руку, вывел в смежную комнату, наполненную царедворцами. «Господа, вот вам новый Пушкин, о старом забудем».

Н. И. Лорер со слов Л.С. Пушкина. Записки декабриста Н.И. Лорера. М., Гос. соц. – экон. издательство, 1931, стр. 200.

Всего покрытого грязью, меня ввели в кабинет императо-

ра, который сказал мне: «Здравствуй, Пушкин, доволен ли ты своим возвращением?». Я отвечал, как следовало. Государь долго говорил со мною, потом спросил: «Пушкин, принял ли бы ты участие в 14 декабря, если б был в Петербурге?» – «Непременно, государь, все друзья мои были в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем. Одно лишь отсутствие спасло меня, за что я благодарю бога!» – «Довольно ты подурачился, – возразил император, – надеюсь, теперь будешь рассудителен, и мы более ссориться не будем. Ты будешь присылать ко мне все, что сочинишь; отныне я сам буду твоим цензором».

Пушкин в передаче А. Г. Хомутовой.

Рус. арх... 1867, стр. 1066 (фр.).

Однажды, за небольшим обедом у государя, при котором я и находился, было говорено о Пушкине. «Я, – говорил государь, – впервые увидел Пушкина после моей коронации, когда его привезли из заключения ко мне в Москву совсем больного... Что сделали бы вы, если бы 14 декабря были в Петербурге? – спросил я его между прочим. – Стал бы в ряды мятежников, – отвечал он. На вопрос мой, переменялся ли его образ мыслей, и дает ли он мне слово думать и действовать иначе, если я пушу его на волю, он наговорил мне пропасть комплиментов насчет 14 декабря, но очень долго колебался прямым ответом и только после длинного молчания протянул руку с обещанием сделаться другим».

По рассказу Арк. Ос. Россета, император Николай на аудиенции, данной Пушкину в Москве, спросил его между прочим: «Что же ты теперь пишешь?» – «Почти ничего, ваше величество: цензура очень строга». – «Зачем же ты пишешь такое, чего не пропускает цензура?» – «Цензура не пропускает и самых невинных вещей: она действует крайне нерассудительно». – «Ну, так я сам буду твоим цензором, – сказал государь. – Присылай мне все, что напишешь».

Я. К. Грот, 288.

Лишь только учредилась жандармская часть, некто донес ей в Москве, что у офицера Молчанова находятся возмутительные стихи, будто Пушкина, в честь мятежников 14 декабря. Молчанова схватили, засадили, допросили, от кого он их получил. Он указал на Алексеева. Как за ним, так и за Пушкиным, который все еще находился ссылкой в псковской деревне, отправили гонцов. Это послужило к пользе последнего. Государь пожелал сам видеть у себя в кабинете поэта, мнимого бунтовщика, показал ему стихи и спросил, кем они написаны. Тот, не обинуясь, сознался, что им. Но они были писаны за пять лет до преступления, которое будто бы они восхваляют, и даже напечатаны под названием Андрей Шенья. В них Пушкин нападает на революцию, на террори-

стов, кровожадных безумцев, которые погубили гениального человека. Небольшую только часть его стихотворения цензура не пропустила, и этот непропущенный лоскуток, который хорошенько не поняли малограмотные офицерики, послужил обвинительным актом против них. Среди бесчисленных забот государь, вероятно, не захотел взять труд прочитать стихи; без того при малейшем внимании увидел бы он, что в них не было ничего общего с предметом, на который будто они были писаны. Пушкин умел ему это объяснить, и его умная, откровенная, почтительно-смелая речь полюбилась государю. Ему дозволено жить, где он хочет, и печатать, что хочет. Государь взялся быть его цензором с условием, чтобы он не употреблял во зло дарованную ему совершенную свободу.

Ф. Ф. Вигель. Записки, VII, III.

Государь принял Пушкина с великодушной благосклонностью, легко напомнил о прежних поступках и давал ему наставления, как любящий отец. Поэт и здесь вышел поэтом; ободренный снисходительностью государя, он делался более и более свободен в разговоре; наконец дошло до того, что он, незаметно для себя самого, приперся к столу, который был позади его, и почти сел на этот стол. Государь быстро отвернулся от Пушкина и потом говорил: «С поэтом нельзя быть милостивым!».

М. М. Попов, чиновник III Отделения.

Когда Пушкина перевезли из псковской деревни в Москву, прямо в кабинет государя, было очень холодно. В кабинете топился камин. Пушкин обратился спиной к камину и говорил с государем, обогревая себе ноги; но вышел оттуда со слезами на глазах и был до конца признателен государю.

П.В. Нащокин по записи П.И. Бартенева.

Рассказы о П-не, 32.

По приезде в Москву Пушкин введен прямо в кабинет государя; дверь замкнулась, и когда снова отворилась, Пушкин вышел со слезами на глазах, бодрым, веселым, счастливым. Государь его принял как отец сына, все ему простил, все забыл, обещал покровительство свое.

Н.М. Смирнов. Памятные заметки. Рус. арх. 1882, 1, 231.

Так обольстил, по рассказу Мицкевича, Николай I Пушкина. Помните ли этот рассказ, когда Николай призвал к себе Пушкина и сказал ему: «Ты меня ненавидишь за то, что я раздавил ту партию, к которой ты принадлежал, но верь мне, я также люблю Россию, я не враг русскому народу, я ему желаю свободы, но ему нужно сперва укрепиться».

«Колокол» Герцена, 1 марта 1860 г., лист 64, стр. 534.

Александр был представлен, говорил более часу и осыпан

милостивым вниманием: вот что мне пишут видевшие его в Москве.

*Бар. А. А. Дельви́г – П. А. Осино́вой, 15 сент. 1826 г.
Р. а. 1864, III, стр. 141.*

Говорят, что его величество дал Пушкину отдельную аудиенцию, длившуюся более двух часов.

Локателли, секретный агент, донесение фон-Фоку.

Б. Л. Модзалевский. Пушкин под тайным надзором, 30 (фр.).

Выезжая из Пскова, Пушкин написал своему близкому другу и школьному товарищу Дельви́гу письмо, извещая его об этой новости и прося его прислать ему денег, с тем, чтобы употребить их на кутежи и на шампанское. – Этот господин известен за мудрствователя (*philosophiste*), в полном смысле этого слова, который проповедует последовательный эгоизм с презрением к людям, ненависть к чувствам, как и к добродетелям, наконец, деятельное стремление к тому, чтобы доставлять себе житейские наслаждения ценою всего самого священного. Этот честолюбец, пожираемый жаждою возделений, как примечают, имеет столь скверную голову, что его необходимо будет проучить, при первом удобном случае. Говорят, что государь сделал ему благосклонный прием, и что он не оправдает тех милостей, которые его величество оказал ему.

М. Я. фон Фок, в донесении графу Бенкендорфу, 17 сент. 1826 г. Б. Л. Модзалевский. П-н под тайным надзором, 30.

Рассказ о каких-то очень подозрительных стихах, потерянных Пушкиным на лестнице кремлевского дворца, сохранился в кругу его знакомых, уверявших, будто бы они слышали о том от самого Ал. С-ча. Государь выразил (будто бы) желание узнать, нет ли при Пушкине какого-нибудь стихотворения. Пушкин вынул из кармана бумаги, захваченные им второпях при отъезде из Михайловского, не нашел между ними никакого стихотворения. Выходя из дворца и спускаясь по лестнице, Пушкин заметил на ступеньке лоскут бумажки, поднял и узнал в нем свои стихи к друзьям, сосланным в Сибирь... Эту бумажку он выронил, вынимая из кармана платок. Возвратясь в гостиницу, он тотчас же сжег это стихотворение. Близкий приятель Пушкина, С. А. Соболевский, повторил впоследствии этот рассказ, но с некоторыми только вариантами. По его словам, потеря листка со стихами сделана; листок отыскан не во дворце, а в собственной квартире Соболевского, куда Пушкин приехал из дворца; самый листок заключал «Пророка», с первоначальным, впоследствии измененным, текстом последней строфы:

Восстань, восстань, пророк России!
Позорной ризой облекись,
Иди – и с вервием на выи и пр.

П. А. Ефремов, А. С. Пушкин.

Рус. стар., 1880, т. 27, стр. 133.

А. В. Веневитинов (брат Д. В. Веневитинова) рассказывал мне, что Пушкин, выезжая из деревни с фельдъегерем, положил себе в карман стихотворение «Пророк», которое, в первоначальном виде, оканчивалось следующей строфою:

Восстань, восстань, пророк России,
Позорной ризой облекись
И с вервьем вокруг смиренной выи
К царю..... явись!

Являясь в кремлевский дворец, Пушкин имел твердую решимость в случае неблагоприятного исхода его объяснений с государем вручить Николаю Павловичу на прощание это стихотворение. Счастливая судьба сберегла для России певца «Онегина», и благосклонный прием государя заставил Пушкина забыть о своем прежнем намерении. Выходя из кабинета вместе с Пушкиным, государь сказал, ласково указывая на него своим приближенным: «Теперь он мой!».

А. П. Пятковский. Пушкин в кремлевском дворце.
Рус. стар., т. 27, стр. 674.

Окончание «Пророка»:

Восстань, восстань, пророк России,

В позорны ризы облекись,
Иди, и с вервием вокруг шеи (выи? – рукой, кажется
Соболевского)
К У. Г. явись

(от Погодина, то же сообщил и Хомяков).

П.И. Бартенев. Рассказы о Пушкине, 31.

По догадке М. А. Цявловского, буквы «У. Г.» не значат ли «убийце гнусному», как назвал Пушкин Николая I за казнь пяти декабристов? Там же, 94.

«Пророк» – бесспорно, великолепнейшее произведение русской поэзии – получил свое значение, как вы знаете, по милости цензуры (смешно, а правда).

Примеч. Бартенева. Первоначально пушкинский «Пророк» кончался четырьмя стихами политического содержания («Восстань, восстань...» и т. д.). После свидания с импер. Николаем Павловичем 8 сент. 1826 г. Пушкин прекрасно заменил эту строфу нынешнюю.

А. С. Хомяков – И. С. Аксакову, Соч. А.С. Хомякова, VIII, М., 1904, стр. 366.

Во время коронации государь послал за Пушкиным нарочного курьера (обо всем этом сам Пушкин рассказывал) везти его немедленно в Москву. Пушкин перед тем писал какое-то сочинение в возмутительном духе и теперь, воображая, что его везут не на добро, дорогой обдумывал это со-

чинение; а между тем, известно, какой прием ему сделал император; тотчас после этого Пушкин уничтожил свое возмутительное сочинение и более не поминал о нем.

С. П. Шевырев. Воспоминания. Л. Майков, 329.

Пушкин приехал в Москву в коляске с фельдъегерем и прямо во дворец. В этот же день на балу у маршала Мармона, герцога Рагузского, королевско-французского посла, государь подозвал к себе Блудова и сказал ему: «Знаешь, что я нынче долго говорил с умнейшим человеком в России?». На вопросительное недоумение Блудова Николай Павлович назвал Пушкина.

П. И. Бартенев. Рус. арх., 1865, стр. 96 и 389.

Из дворца Пушкин прямо приехал к своему дяде Василию Львовичу Пушкину, который жил в своем доме на Басманной.

П. И. Бартенев. Рус. арх., 1865, стр. 390 – 391.

В самое то время, когда царская фамилия и весь двор, пребывавшие тогда в Москве по случаю коронации, съезжались на бал к французскому чрезвычайному послу, маршалу Мармону, в великолепный дом кн. Куракина на Старой Басманной, наш поэт направился в дом жившего по соседству (близ Новой Басманной) дяди своего Василия Львовича, оставивши пока свой багаж в гостинице дома Часовнико-

ва (ныне Дубицкого), на Тверской. Один из самых близких друзей Пушкина (С. А. Соболевский), узнавши на бале у французского посла от тетки его Е. Л. Солнцевой о неожиданном его приезде, отправился к нему для скорейшего свидания в полной бальной форме, в мундире и башмаках.

М. Н. Лонгинов. Сочинения, т. 1. М., 1915, стр. 165.

Один из давних друзей поэта тотчас же из дому кн. Куракина на Старой Басманной, где был бал у маршала Мармона, отправился в дом Василия Львовича и застал Пушкина за ужином. Тут же, еще в дорожном платье, Пушкин поручил ему на завтрашнее утро съездить к известному «американцу» графу Толстому с вызовом на поединок. К счастью, дело уладилось: графа Толстого не случилось в Москве, а впоследствии противники помирились.

П. И. Бартнев. Рус. арх., 1865, стр. 390.

Возвращенный Пушкин тотчас явился к княгине В.Ф. Вяземской. Из его рассказа о свидании с царем княгиня помнит заключительные слова: «Ну, теперь ты не прежний Пушкин, а мой Пушкин». К последним праздникам коронации возвратился в Москву князь Вяземский. Узнав о том, Пушкин бросился к нему, но не застал дома, и когда ему сказали, что князь уехал в баню, Пушкин явился туда, так что первое их свидание после многолетнего житья в разных местах было в номерной бане.

*П. И. Бартенов со слов кн. В.Ф. Вяземской.
Рус. Арх., 1888, II, 307.*

Приезд Пушкина в Москву в 1826 г. произвел сильное впечатление, не изгладившееся из моей памяти до сих пор. «Пушкин, Пушкин приехал!» – раздалось по нашим детским, и все – дети, учителя, гувернантки, – все бросились в верхний этаж, в приемные комнаты, взглянуть на героя дня... И детская комната, и девичья с 1824 года (когда княгиня Вяземская жила в Одессе и дружила там с Пушкиным) были неувядающим рассадником легенд о похождениях поэта на берегах Черного моря. Мы жили тогда в Грузинах, цыганском предместье Москвы, – на сельскохозяйственном подворье П.А. Кологривова, вотчине моей матушки.

*Кн. Павел Вяземский (сын поэта, род. в 1820 г.).
Сочинения, стр. 508.*

По приезде Пушкина в Москву он жил в трактире «Европа», бывший дом Часовникова, на Тверской. Тогда читал он у меня, жившего на Собачьей площадке, в доме Ринкевича (что ныне Левенталья), «Бориса», в первый раз – при М. Ю. Виельгорском, П. Я. Чаадаеве, Дм. Веневитинове и Швыреве. Наверное не помню, не было ли еще тут Ивана В. Киреевского. (Потом читан «Борис» у Вяземского и Волконской или Веневитиновых? На этих чтениях я не был, ибо в день первого так заболел, что недели три пролежал в посте-

ли). Впрочем, это единственные случаи, когда Пушкин читал свои произведения; он терпеть не мог читать их иначе, как с глазу на глаз или почти с глазу на глаз.

С. А. Соболевский – М. Н. Лонгинову, 1855 г.

П-н и его совр-ки, XXXI–XXXII, 40 (рус. – фр.).

Впечатление, произведенное на публику появлением Пушкина в московском театре, после возвращения из ссылки, может сравниться только с волнением толпы в зале Дворянского собрания, когда вошел в нее А.П. Ермолов, только что оставивший кавказскую армию. Мгновенно разнеслась по зале весть, что Пушкин в театре; имя его повторялось в каком-то общем гуле; все лица, все бинокли обращены были на одного человека, стоявшего между рядами и окруженного густою толпою.

Ел. Н. Киселева (Ушакова) в передаче ее сына Н. С. Киселева. Л. Майков, 361.

Когда Пушкин, только что возвратившийся из изгнания, вошел в партер Большого театра, мгновенно пронесся по всему театру говор, повторявший его имя: все взоры, все внимание обратилось на него. У разъезда толпились около него и издали указывали его по бывшей на нем светлой пуховой шляпе. Он стоял тогда на высшей степени своей популярности.

Н. В. Путята. Из записной книжки. Рус. арх., 1899, II,

Надобно было видеть участие и внимание всех при появлении Пушкина в обществе!.. Когда в первый раз Пушкин был в театре, публика глядела не на сцену, а на своего любимца-поэта.

Кс. А. Полевой. Некролог Пушкина. Живоп. Обзор., 1873, т. III, лист 10, стр. 79. Цит. по Р. а., 1901, II, стр. 250.

Вспомним первое появление Пушкина, и мы можем гордиться таким воспоминанием. Мы еще теперь видим, как во всех обществах, на всех балах первое внимание устремлялось на нашего гостя, как в мазурке и котильоне наши дамы выбирали поэта непрерывно... Прием от Москвы Пушкину – одна из замечательнейших страниц его биографии.

С. П. Шевырев. Москвитянин, 1841, ч. I, стр. 522.

Пушкин-автор в Москве и всюду говорит о вашем величестве с благодарностью и глубочайшей преданностью, за ним все-таки следят внимательно.

А. Х. Бенкендорф – императору Николаю I, в 1826 г. Старина и Новизна, VI, 5 (фр.).

Веневитинов рассказал мне о вчерашнем дне (10-го сентября 1826 г. Пушкин в первый раз читал у Веневитиновых своего «Бориса Годунова»). Борис Годунов – чудо. У

него еще Самозванец, Моцарт и Сальери, Наталья Павловна («Граф Нулин»), продолжение Фауста, 8 песен Онегина и отрывки из 9-й и проч. – «Альманах не надо издавать, – сказал он (Пушкин), – пусть Погодин издаст в последний раз, а после станем издавать журнал. Кого бы редактором? А то меня с Вяземским считают шельмами». «Погодина», – сказал Веневитинов. «Познакомьте меня с ним и со всеми, с кем бы можно говорить с удовольствием. Поедем к нему теперь». «Нет его, нет дома», – сказал Веневитинов... Веневитинов к чему-то сказал ему, что княжна Ал. Ив. Трубецкая известила его о приезде Пушкина, и вот каким образом: они стояли против государя на бале у Мармона. «Я теперь смотрю de meilleur oeil на государя, потому что он возвратил Пушкина». «Ах, душенька, – сказал Пушкин, – везите меня скорее к ней». С сими словами я поехал к Трубецким и рассказал их княжне Александре Ивановне, которая покраснела как маков цвет. В 4 часа отправился к Веневитиновым. Говорили о предчувствиях, видениях и проч. Веневитинов рассказывал о суеверии Пушкина. Ему предсказали судьбу какая-то немка Киригоф и грек (пара, oncle, cousin) в Одессе. – «До сих пор все сбывается, напр., два изгнания. Теперь должно начаться счастье. Смерть от белого человека или от лошади, и я с боязнию кладу ногу в стремя, – сказал он, – и подаю руку белому человеку». Между прочим, приезжает сам Пушкин. Я не опомнился. – «Мы с вами давно знакомы, – сказал он мне, – и мне очень приятно утвердить и укрепить наше зна-

комство нынче». Пробыл минут пять, – повертлявый и ничего не обещающий снаружи человек.

М. П. Погодин. Дневник, 11 сент. 1826 г.

П-н и его совр-ки. XIX–XX, 73.

А. Пушкин, в бытность свою в Москве, рассказывал в кругу друзей, что какая-то в С.-Петербурге угадчица на кофе, немка Кирш... предсказала ему, что он будет дважды в изгнании, а какой-то грек-предсказатель в Одессе подтвердил ему слова немки. Он возил Пушкина в лунную ночь в поле, спросил час и год его рождения и, сделав заклинания, сказал ему, что он умрет от лошади или от беловолосого человека. Пушкин жалел, что позабыл спросить его: человека белокурого или седого должно опасаться ему. Он говорил, что всегда с каким-то отвращением ставит свою ногу в стремя.

«Некстати Каченовского называют собакой, – сказал Пушкин. – Ежели же и можно так назвать его, то собакой беззубой, которая не кусает, а мажет слюнями».

«Я надеюсь на Николая Языкова, как на скалу», – сказал Пушкин.

«Как после Байрона нельзя описывать человека, которому надоели люди, так после Гете нельзя описывать человека, которому надоели книги».

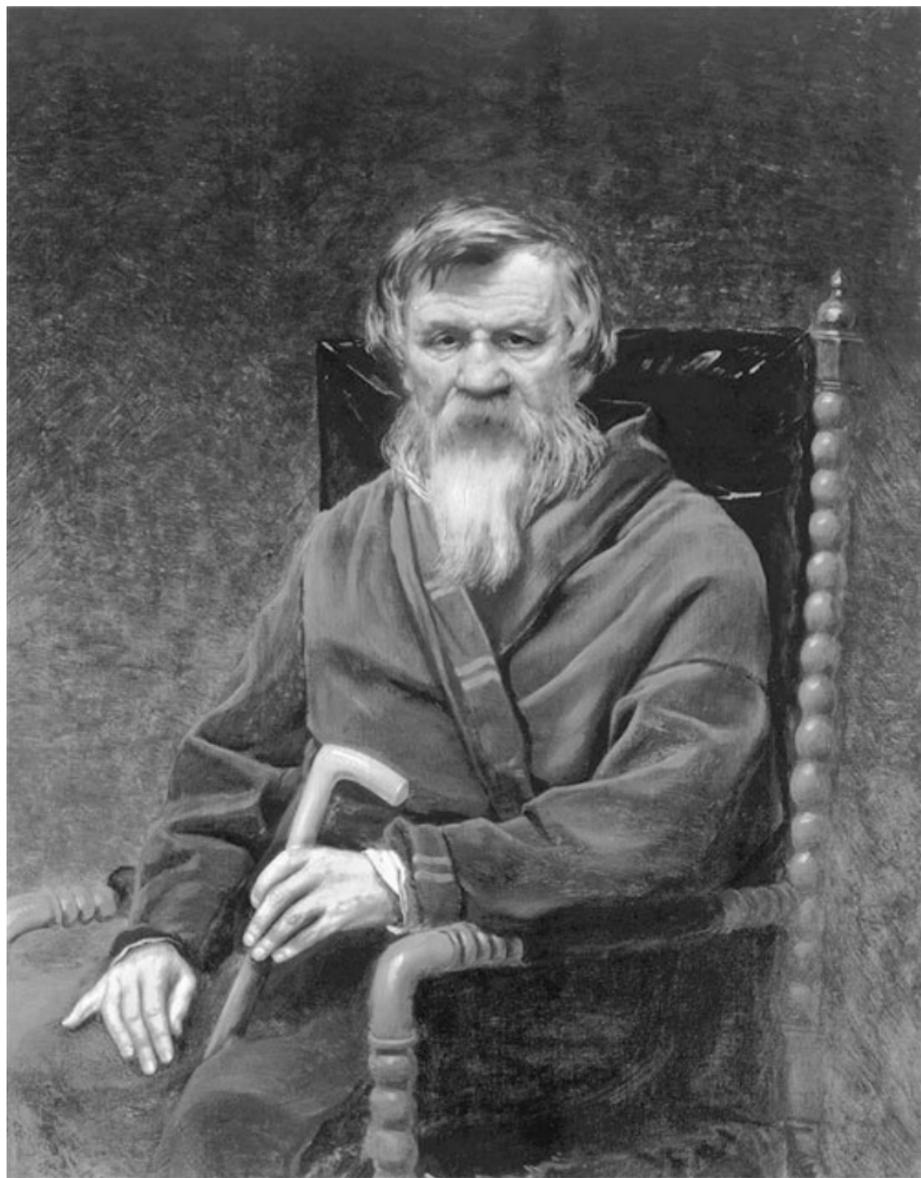
В. Ф. Щербаков. Из заметок о пребывании Пушкина в Москве в 1826-1827 гг.

Собр. соч. Пушкина под ред. П. А. Ефремова, 1905 г., т.

Смотрел «Аристофана» (комедия кн. А. А. Шаховского). Соболевский подвел меня к Пушкину. «Ах, здравствуйте! Вы не видали этой пьесы?» (слова Пушкина Погодину). – «Ее только во второй раз играют. Он написал еще Езопа при дворе». – «А это верно подражание (неразб.)?» – «Довольны ли вы нашим театром?» – «Зала прекрасная, жаль, что освещение изнутри».

М. П. Погодин. Дневник, 12 сент. 1826 г.

П-н и его совр-ки, XIX–XX, 75.

Михаил Петрович Погодин (1800–1875) – русский исто-

рик, коллекционер, журналист и публицист, писатель-беллетрист, издатель.

Художник В.Г. Перов. 1872 г.

Вот уж неделя, как я в Москве, и не нашел еще времени написать вам; это доказывает, как я занят. Император принял меня самым любезным образом. В Москве шум и празднества, так что я уже устал от них и начинаю вздыхать о Михайловском, т. е. о Тригорском; я рассчитываю уехать отсюда не позже, как через две недели.

Пушкин – П. А. Осиновой, 15 сент. 1826 г.

Праздничное гулянье на Девичьем Поле по случаю коронации. Завтрак народу нагайками – приехал царь – бросились. Славное движение. Пошел в народ с Соболевским и Мельгуновым. Сцены на горах. Скифы бросились обдирать холст, ломать галереи. Каковы! Куда попрыгали и комедианты – веревки из-под них понадобились. Как били чернь. – Не доставайся никому. Народ ломит дуром. – Обедал у Трубецких. – Там Пушкин, который относился несколько ко мне. – «Жаль, что на этом празднике мало драки, мало движения». Я ответил, что этому причина белое и красное вино, если бы было русское, то...

М. П. Погодин. Дневник, 16 сент. 1826 г.

П-н и его совр-ки. XIX–XX, 77.

Был у А. Пушкина, который привез мне как цензору свою пьесу «Онегин»... Талант его виден и в глазах его: умен и остр, благороден в изъяснении и скромнее прежнего. Опыт не шутка.

И. М. Снегирев. Дневник, 18 сент. 1826 г.

П-н и его совр-ки, XVI, 47.

К Веневитиновым. Рассказ о Пушкине: «У меня кружится голова после чтения Шекспира, я как будто смотрю в бездну».

М. П. Погодин. Дневник, 24 сент. 1826 г.

П-н и его совр-ки, XIX–XX, 77.

Я должен вам сказать о том, что очень в настоящее время занимает Москву, особенно московских дам. Пушкин, молодой и знаменитый поэт, здесь. Все альбомы и лорнеты в движении; раньше он был за свои стихи сослан в свою деревню. Теперь император позволил ему возвратиться в Москву. Говорят, у них был долгий разговор, император обещал лично быть цензором его стихотворений и, при полном зале, назвал его первым поэтом России. Публика не может найти достаточно похвал для этой императорской милости.

Фр. Малевский – своим сестрам, 27 сент. 1826 года, из Москвы. Ladislas Mickiewicz. Adam Mickiewicz, sa vie et son oeuvre. Paris. Albert Savine ed., 1888, p. 81.

Помнится и слышится еще, как княгиня Зинаида Волконская в присутствии Пушкина и в первый день знакомства с ним пропела элегию его «Погасло дневное светило». Пушкин был живо тронут этим обольщением тонкого и художественного кокетства. По обыкновению, краска вспыхивала на лице его. В нем этот детский и женский признак сильной впечатлительности был несомненное выражение внутреннего смущения, радости, досады, всякого потрясающего ощущения.

Кн. П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., VII, 329.

Я познакомился с поэтом Пушкиным. Рожа ничего не обещающая. Он читал у Вяземского свою трагедию Борис Годунов.

А. Я. Булгаков (московский почт-директор) – К. Я. Булгакову, 5 окт. 1826 г. Рус. арх., 1901, II, 405.

Пушкин у Веневитиновых – читал песни, коими привел нас в восхищение. – Вот предмет для романа: поэт в обществе.

М. П. Погодин. Дневник, 12 окт. 1826 г.

П-н и его совр-ки, XIX–XX, 79.

(Чтение Пушкиным «Годунова» в Москве, у Веневитиновых, 12 октября 1826 г., днем. В 12 час. приехал Пушкин.) Какое действие произвело на всех нас это чтение – передать

невозможно. Мы собрались слушать Пушкина, воспитанные на стихах Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, которых все мы знали наизусть. Учителем нашим был Мерзляков. Надо припомнить и образ чтения стихов, господствовавший в то время. Это был распев, завещанный французскою декламацией. Наконец, надо себе представить самую фигуру Пушкина. Ожиданный нами величавый жрец высокого искусства – это был среднего роста, почти низенький человек, вертлявый, с длинными, несколько курчавыми по концам волосами, без всяких притязаний, с живыми, быстрыми глазами, с тихим приятным голосом, в черном сюртуке, в черном жилете, застегнутом наглухо, небрежно повязанном галстухе. Вместо высокопарного языка богов мы слышали простую ясную, обыкновенную и между тем – поэтическую, увлекательную речь!

Первые явления выслушали тихо и спокойно или, лучше сказать, в каком-то недоумении. Но чем дальше, тем ощущения усиливались. Сцена летописателя с Григорьем всех ошеломила... А когда Пушкин дошел до рассказа Пимена о посещении Кириллова монастыря Иоанном Грозным, о молитве иноков «да ниспошлет господь покой его душе, страдающей и бурной», мы просто все как будто обеспамятели. Кого бросало в жар, кого в озноб. Волосы поднимались дыбом. Не стало сил воздерживаться. Кто вдруг вскочит с места, кто вскрикнет. То молчанье, то взрыв восклицаний, напр., при стихах самозванца: «Тень Грозного меня усыновила». Кон-

чилось чтение. Мы смотрели друг на друга долго и потом бросились к Пушкину. Начались объятия, поднялся шум, раздался смех, полились слезы, поздравления. Эван, эвое, дайте чаши!.. Явилось шампанское, и Пушкин одушевился, видя такое свое действие на избранную молодежь. Ему было приятно наше волнение. Он начал нам, поддавая жару, читать песни о Стеньке Разине, как он выплывал ночью на Волге на востроносой своей лодке, предисловие к «Руслану и Людмиле»: «У лукоморья дуб зеленый»... Потом Пушкин начал рассказывать о плане Дмитрия Самозванца, о палаче, который шутит с чернью, стоя у плахи на Красной площади в ожидании Шуйского, о Марине Мнишек с самозванцем, сцену, которую написал он, гуляя верхом, и потом позабыл вполовину, о чем глубоко сожалел. О, какое удивительное то было утро, оставившее следы на всю жизнь. Не помню, как мы разошлись, как dokonчили день, как улеглись спать. Да едва кто и спал из нас в эту ночь. Так был потрясен весь наш организм.

М. П. Погодин. Рус. Арх., 1865, стр. 97.

Вообще, читал он чрезвычайно хорошо... Это был удивительный чтец: вдохновение так пленяло его, что за чтением «Бориса Годунова» он показался Шевыреву красавцем.

П. В. Анненков со слов С. П. Шевырева. Л. Майков, 329, 331.

Читал Пушкин превосходно, и чтение его, в противность тогдашнему обыкновению читать стихи нараспев и с некоторою вычурностью, отличалось, напротив, полною простотою.

П. И. Бартенев. Рус. арх., 1876, 1, 489.

Ив. Серг. Тургенев читал стихи нараспев и с торжественной интонацией, согласно пушкинской традиции. Он говорил нам, что не слышал, как читал сам Пушкин, но что манеру его чтения ему воспроизводил один из его друзей, слышавший самого Пушкина.

Евг. М. Гаршин. Воспоминания о Тургеневе.

Историч. Вестник, 1883, т. XIV, 392.

Лев Сергеевич Пушкин превосходно читал стихи и представлял мне, как читал их покойный брат его Александр Сергеевич. Из этого я заключил, что Пушкин стихи свои читал как бы нараспев, как бы желая передать своему слушателю всю музыкальность их.

Я. П. Полонский. Кое-что о Пушкине.

Cosmopolis, 1898, март, 202.

Нет, добрый друг, не думай, что Александр Сергеевич почувствует когда-нибудь свою неправоту передо мною. Если он мог в минуту своего благополучия, и когда он не мог не знать, что я делал шаги к тому, чтобы получить для него милость, отречься от меня и клеветать на меня, то как воз-

можно предполагать, что он когда-нибудь снова вернется ко мне? Не забудь, что в течение двух лет он питает свою ненависть, которую ни мое молчание, ни то, что я предпринимал для смягчения его участи изгнания, не могли уменьшить. Он совершенно убежден в том, что просить прощения должен я у него, но он прибавляет, что если бы я решил это сделать, то он скорее выпрыгнул бы в окно, чем дал бы мне это прощение... Я еще ни минуты не переставал воссылать мольбы о его счастии, и, как повелевает Евангелие, я люблю в нем моего врага и прощаю его, если не как отец, – так как он от меня отрекается, – то как христианин, но я не хочу, чтоб он знал об этом: он припишет это моей слабости или лицемерию, ибо те принципы забвения обид, которыми мы обязаны религии, ему совершенно чужды.

С. Л. Пушкин (отец поэта) – брату своему В. Л. Пушкину, 17 окт. 1826 г., из Петербурга. Б. Л. Модзалевский.

Пушкин под тайным надзором, 31 (фр.).

Более всего в поведении Александра Сергеевича вызывает удивление то, что как он меня ни оскорбляет и ни разрывает наши сердечные отношения, он предполагает вернуться в нашу деревню и, естественно, пользоваться всем тем, чем он пользовался раньше, когда он не имел возможности отсюда выезжать. Как примирить это с его манерой говорить обо мне – ибо не может ведь он не знать, что это мне известно. Александр Тургенев и Жуковский, чтобы утешить меня, го-

ворили, что я должен стать выше того, что он про меня говорил, что это он делал из подражания лорду Байрону, на которого он хочет походить. Байрон ненавидел свою жену и всюду скверно говорил об ней, а Александр Сергеевич выбрал меня своей жертвой. Но эти все рассуждения неутешительны для отца – если я еще могу называть себя так. В конце концов: пусть он будет счастлив, но пусть оставит меня в покое.

С. Л. Пушкин – зятю своему М. М. Сонцову, 17 окт. 1826 г. Б. Модзалевский, стр. 32 (фр.).

Общий обед – очень приятно было взглянуть на всех вместе. Неловко представился Баратынскому. Обед чудно, но жаль, что общего разговора не было. С удовольствием пили за здоровье Мицкевича, потом Пушкина. Подпили. Представление Оболенского Пушкину и проч.

М. П. Погодин. Дневник, 29 окт. 1826 г.

П-н и его совр-ки. XIX–XX, 80.

Рождение журнала («Московский Вестник», под редакцией Погодина) положено отпраздновать общим обедом всех сотрудников. Мы собрались в доме бывшем Хомякова (где ныне кондитерская Люке): Пушкин, Мицкевич, Баратынский, два брата Веневитиновых, два брата Хомяковых, два брата Киреевских, Шевырев, Титов, Мальцев, Рожалин, Раич, Рихтер, Оболенский, Соболевский. Нечего описывать, как весел был этот обед. Сколько тут было шуму, сме-

ху, сколько рассказано анекдотов, планов, предположений! Оболенский, адъютант греческой словесности, добрейшее существо, какое только может быть, подпив за столом, подскочил после обеда к Пушкину и, взъерошивая свой хохлик, любимая его привычка, воскликнул: «Александр Сергеевич, Александр Сергеевич, я единица, а посмотрю на вас и покажусь себе миллионом. Вот вы кто!». Все захохотали и закричали: «Миллион, миллион!».

Вино играло роль на наших вечерах, но не до излишков, а только в меру, пока оно веселит сердце человеческое. Пушкин не отказывался под веселый час выпить. Один из товарищей был знаменитый знаток, и перед началом «Московского Вестника» было у нас в моде алеатико, прославленное Державиным.

М. П. Погодин. Из воспоминаний о Пушкине.

Рус. Арх... 1865, стр. 100, 103.

26 окт. 1826 г. Поутру получаю записку от (Мар. Ив.) Корсаковой: «Приезжайте непременно, нынче вечером у меня будет Пушкин». К 8 часам я в гостиной у Корсаковой; там собралось уже множество гостей. Дамы разodelись и рассчитывали привлечь внимание Пушкина, так что, когда он вошел, все дамы устремились к нему и окружили его. Каждой хотелось, чтоб он сказал ей хоть слово... Я издали наблюдала это африканское лицо, на котором отпечатлелось его происхождение, это лицо, по которому так и сверкает ум. Я слу-

шала его без предупредительности и молча. Так прошел вечер. За ужином кто-то назвал меня, и Пушкин вдруг встрепенулся, точно в него ударила электрическая искра. Он встал и, поспешно подойдя ко мне, сказал: «Вы сестра Михаила Григорьевича? Я уважаю, люблю его и прошу вашей благосклонности». Он стал говорить о лейб-гусарском полке, который, по словам его, был его колыбелью, а брат мой был для него нередко ментором.

А. Г. Хомутова. Рус. арх., 1867, стр. 1067 (фр.).

Вероятно, встречу с Пушкиным, с которым и желал бы познакомиться; но, с другой стороны, слышал так много дурного насчет его нравственности, что больно встретить подобные свойства в таком великом гении. Он, говорят, несет большую дичь и – публично.

Неизвестный – гр. Мих. Ю. Виельгорскому, 6 ноября 1826 г., из Москвы. Б. Модзалевский, 33.

Пушкин, приехавший в Москву осенью 1826 г., вскоре познакомился с Мицкевичем и оказывал ему величайшее уважение. Любопытно было видеть их вместе. Проницательный русский поэт, обыкновенно господствовавший в кругу литераторов, был чрезвычайно скромен в присутствии Мицкевича, больше заставлял его говорить, нежели говорил сам, и обращался с своими мнениями к нему, как бы желая его одобрения. В самом деле, по образованности, по многосторонней уче-

ности Мицкевича Пушкин не мог сравнивать себя с ним, и сознание в том делает величайшую честь уму нашего поэта.

Кс. А. Полевой. Записки, 171.

В прибавлениях к посмертному собранию сочинений Мицкевича, писанных на французском языке, рассказывается следующее: Пушкин, встретясь где-то на улице с Мицкевичем, посторонился и сказал: «С дороги, двойка, туз идет!». На что Мицкевич тут же отвечал: «Козырная двойка и туза бьет!».

Кн. П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., VII, 309.

Пушкин и Мицкевич часто видались. Будревич, учитель математики в Тверской гимназии, помнил, как раз Пушкин назвал сбитенщика, и как вся компания пила сбитень, а Пушкин шутя говорил: «На что нам чай? Вот наш национальный напиток». В одном собрании Мицкевич в присутствии Пушкина импровизировал французскою прозою.

М. А. Максимович по записи Бартенева. Р. А., 1889, II, 480.

Мицкевич несколько раз выступал с импровизациями здесь в Москве; хотя были они в прозе, и то на французском языке, но возбудили удивление и восторг слушателей. Ах, ты помнишь его импровизации в Вильне! Помнишь то подлинное преобразование лица; тот блеск глаз, тот проникающий

голос, от которого тебя даже страх охватывает – как будто через него говорит дух. Стих, рифма, форма – ничего тут не имеет значения. Говорящим под наитием духа дан был дар всех языков или, лучше сказать, – тот таинственный язык, который понятен всякому. На одной из таких импровизаций в Москве Пушкин, в честь которого давался тот вечер, сорвался с места и, ероша волосы, почти бегая по зале, воскликнул: «*Quel genie! Quel feu sacre! Que suis je aupres lui?*» – и, бросившись на шею Адама, сжал его и стал целовать как брата. Я знаю это от очевидца. Тот вечер был началом взаимной дружбы между ними. Уже много позже, когда друзья Пушкина упрекали его в равнодушии и недостатке любознательности за то, что он не хочет проехаться по заграничным странам, Пушкин ответил: «Красоты природы я в состоянии вообразить себе даже еще прекраснее, чем они в действительности; поехал бы я разве для того, чтобы познакомиться с великими людьми: но я знаю Мицкевича и знаю, что более великого теперь не найду». Слова эти мне передал человек, слышавший их из уст самого Пушкина (позднейшее примечание автора).

А. Э. Одынец – Юлиану Корсаку, 9 – 21 мая 1829 г., из Петербурга. А. Е. Odyniez. Listyz podrozy. Tom I. Warszcawa, 1884, p. 57 (пол.).

(Осенью 1826 г. Пушкин с Соболевским в гостях у Н. А. Полевого.) Перед конторкою, на которой обыкновенно пи-

сал Н. А-вич, стоял человек, немного превышавший эту конторку, худощавый, с резкими морщинами на лице, с широкими бакенбардами, покрывающими всю нижнюю часть его щек и подбородка, с тучею кудрявых волос. Ничего юношеского не было в этом лице, выразившем угрюмость, когда оно не улыбалось. Он был невесел этот вечер, молчал, когда речь касалась современных событий, почти презрительно отзывался о новом направлении литературы, о новых теориях и, между прочим, сказал: «Немцы видят в Шекспире чорт знает что, тогда как он просто, без всяких умствований, говорил, что было у него на душе, не стесняясь никакой теорией». Тут он выразительно напомнил о неблагопристойностях, встречаемых у Шекспира, и прибавил, что это был гениальный мужичок! Пушкин несколько развеселился бутылкой шампанского (тогда необходимая принадлежность литературных бесед!) и даже диктовал Соболевскому комические стихи в подражание Виргилию. Тут я видел, как богат был Пушкин средствами к составлению стихов: он за несколько строк уже готовил мысль или созвучие и находил прямое выражение, не заменимое другим. И это шутя, между разговором!

Прошло еще несколько дней, когда однажды утром я заехал к нему. Он временно жил в гостинице, бывшей на Тверской, в доме кн. Гагарина, отличавшемся вычурными уступами и крыльцами снаружи. Там занимал он довольно грязный номер в две комнаты, и я застал его, как обыкновен-

но заставлял потом утром в Москве и в Петербурге, в татарском серебристом халате, с голою грудью, не окруженного ни малейшим комфортом: так жила он потом в гостинице Демута в Петербурге. На этот раз он был, как мне показалось сначала, в каком-то раздражении и тотчас начал речь о «Московском Телеграфе» (журнал Н. А. Полевого), в котором находил множество недостатков, выражаясь об иных подробностях саркастически. Я возражал ему как умел, и разговор шел довольно запальчиво, когда в комнату вошел Шевырев... Пушкин начал горячо расхваливать стихи Шевырева, вообще оказывая Шевыреву самое приятное расположение, хотя и с высоты своего величия, тогда как со мною он разговаривал почти неприязненно, как неприятель. Вскоре ввалился в комнату М. П. Погодин. Пушкин и к нему обратился дружески. Я увидел, что буду лишним в таком обществе, и взялся за шляпу. Провожая меня до дверей и пожимая мне руку, Пушкин сказал: «*Sans rancune, je vous en prie!*» – и захохотал тем простодушным смехом, который памятен всем, знавшим его.

Пушкин соображал свое обхождение не с личностью человека, а с положением его в свете, и потому-то признавал своим собратом самого ничтожного барича и оскорблялся, когда в обществе встречали его как писателя, а не как аристократа... Аристократ по системе, если не в действительности, Пушкин увидел себя еще более чуждым Полевому, когда блестящее светское общество встретило с распростер-

тыми объятиями знаменитого поэта, бывшего диковинкою в Москве. Он как будто не видал, что в нем чествовали не потомка бояр Пушкиных, а писателя и современного льва, в первое время, по крайней мере. Увлечшись в вихрь светской жизни, которую всегда любил он, Пушкин почти стыдился звания писателя.

Кс. А. Полевой. Записки, 1888, стр. 198 – 204.

Я слежу за сочинителем Пушкиным, насколько это возможно. Дома, которые он наиболее часто посещает, суть дома княгини Зинаиды Волконской, князя Вяземского, поэта, бывшего министра Дмитриева и прокурора Жихарева. Разговоры там вращаются по большей части на литературе... Дамы кадят ему и балуют молодого человека; напр., по поводу выраженного им в одном обществе желания вступить в службу несколько дам вскричали сразу: «Зачем служить! Обогащайте нашу литературу вашими высокими произведениями, и разве, к тому же, вы уже не служите девяти сестрам? Существовала ли когда-нибудь более прекрасная служба?». Другая сказала: «Вы уже служите в инженерах, а также в свите» (Игра слов: «Vous servez déjà le génie et ainsi de suite» – второе значение фразы: «Вы служите гению и в этом роде» (фр.). Слово génie означает и «гений», и «инженерные войска»). – 8 ноября 1826 г. Сочинитель Пушкин только что покинул Москву, чтобы отправиться в свое псковское имение.

И. П. Бибиков, жандармский полковник, в донесении Бенкендорфу. Б. Модзалевский, 33 (фр.).

Я еду похоронить себя в деревне до первого января, – уезжаю со смертью в душе.

Пушкин – В. П. Зубкову, 1 – 2 ноября 1826 года.

С. П. (Софья Федоровна Пушкина, однофамилица поэта, которую он увлекался в Москве) – мой добрый ангел; но другая – мой демон; эта совершенно некстати смущает меня в моих поэтических и любовных размышлениях. Прощайте, княгиня, – еду похоронить себя среди моих соседок. Молитесь за упокой моей души.

Пушкин – кн. В. Ф. Вяземской, 3 ноября 1826 г., из Торжка.

Мой милый Соболевский, – я снова в моей избе. Восемь дней был в дороге, сломал два колеса и приехал на перекладных. Дорогою бранил тебя немилосердно, но в доказательство дружбы посылаю тебе мой itineraire (путевой дневник – фр.) от Москвы до Новгорода. Это будет для тебя инструкция.

У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармезаном макарони,
Да яишницу свари.

На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай (именно котлет)
И отправься налегке.
Как до Яжельбиц дотащит
Колымагу мужичок,
То-то друг мой растарашит
Сладострастный свой глазок!
Поднесут тебе форели!
Тотчас их варить вели.
Как увидишь: посинели,
Влей в уху стакан Шабли.
Чтоб уха была по сердцу,
Можно будет в кипяток
Положить немного перцу,
Луку маленький кусок.

Яжельбицы – первая станция после Валдая. В Валдае спроси, есть ли свежие сельди? Если же нет,

У податливых крестьянок
(Чем и славится Валдай)
К чаю накупи баранок
И скорее поезжай.

Пушкин – С. А. Соболевскому, 9 ноября 1826 г., из Михайловского.

Гальяни в пушкинское время содержал в Твери лучшую гостиницу, с залом для танцев и других увеселений, так что гостиница Гальяни заменяла клуб. Дом, где находилась гостиница, был на углу, двухэтажный, низ каменный, верх деревянный; в 1879 г. этот дом сгорел, а на его месте построен большой дом, принадлежащий теперь А. А. Пржецлавской.

И. А. Иванов. О пребывании Пушкина в Тверской губ.

Изд. Тверского об-ва любит. археол. Тверь, 1899, стр. 15.

Итальянец Гальяни имел в то время в Твери ресторан или гостиницу, которая считалась тогда лучшею. В ней останавливались обыкновенно более состоятельные проезжающие. По этому ресторану в Твери и доселе называется Гальянова улица, на левом углу которой, рядом с Мироносицкой улицей, и стоял этот ресторан. Здесь-то неоднократно и бывал Пушкин. Одна современница Пушкина передавала нам, что однажды ее муж, тогда еще молодой человек 16-ти лет, встретил здесь Пушкина и рассказывал об этом так: «Я сейчас видел Пушкина. Он сидит у Гальяни на окне, поджав ноги, и глотает персики. Как он напомнил мне обезьяну!».

В. И. Колосов. Пушкин в Тверской губернии.

Рус. стар., 1888, т. 60, стр. 85.

Вот я в деревне. Доехал благополучно без всяких замечательных пассажей; самый неприятный анекдот было то, что сломались у меня колеса, растрясенные в Москве дру-

гом и благоприятелем моим Соболевским. Деревня мне пришла как-то по сердцу. Есть какое-то поэтическое наслаждение возвратиться вольным в покинутую тюрьму. Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встреча моей дворни... и моей няни, – ей-богу, приятнее щекотит сердце, чем слава, наслаждения самолюбия, рассеянности и пр. Няня моя уморительна. Вообрази, что 70-ти лет она выучила наизусть новую молитву об умилении сердца владыки и укрощении духа его свирепости, молитвы, вероятно, сочиненной при ц. Иване. Теперь у ней попы дерут молебен и мешают мне заниматься делом... Буду у вас к 1-му... она велела! Милый мой, Москва оставила во мне неприятное впечатление, но все-таки лучше с вами видеться, чем переписываться.

Пушкин – кн. П. А. Вяземскому, 9 ноября 1826 г., из Михайловского.

Еду к вам и не доеду. Какой! Меня доезжают!.. Изъясню после. – В деревне я писал презренную прозу, а вдохновение не лезет. Во Пскове, вместо того, чтобы писать 7-ую главу Онегина, я проигрываю в штосс четвертую: не забавно.

Пушкин – кн. П. А. Вяземскому, 1 дек. 1826 г., из Пскова.

Выехал я тому пять-шесть дней из моей проклятой деревни на перекладной ввиду отвратительных дорог. Псковские ямщики не нашли ничего лучшего, как опрокинуть меня. У меня помят бок, болит грудь, и я не могу дышать. Взбешен-

ный, я играю и проигрываю. Как только мне немного станет лучше, буду продолжать мой путь почтой... Так как я, вместо того, чтобы быть у ног Софи (С. Ф. Пушкиной), нахожусь на постоялом дворе во Пскове, то поболтаем, т. е. станем рассуждать. Мне 27 лет, дорогой друг. Пора жить, т. е. познать счастье. Ты мне говоришь, что оно не может быть вечным: прекрасная новость! Не мое личное счастье меня тревожит, – могу ли я не быть самым счастливым человеком с нею, – я трепещу, лишь думая о судьбе, быть может, ее ожидающей, – я трепещу перед невозможностью сделать ее столь счастливою, как это мне желательно. Моя жизнь, – такая доселе кочующая, такая бурная, мой нрав – неровный, ревнивый, обидчивый, раздражительный и вместе с тем слабый, – вот что внушает мне тягостное раздумие. Следует ли мне связать судьбу столь нежного, столь прекрасного существа с судьбою до такой степени печальною, с характером до такой степени несчастным? – Боже мой, до чего она хороша! И как смешно было мое поведение по отношению к ней. Дорогой друг, постарайся изгладить дурное впечатление, которое оно могло на нее произвести. Скажи ей, что я разумнее, чем кажусь с виду... Мерзкий этот Панин! Два года влюблен, а свататься собирается на Фоминой неделе, – а я вижу ее раз в ложе, – в другой раз на бале, а в третий сватаюсь!.. Объясни же ей, что, увидев ее, нельзя колебаться, что, не претендуя увлечь ее собою, я прекрасно сделал, прямо придя к развязке, что, полюбив ее, нет возможности полюбить ее сильнее...

Ангел мой, уговори ее, упроси ее, настраждай ее Паниным скверным и – жени меня!

Пушкин – В. П. Зубкову, 1 дек. 1826 г., из Пскова (фр. – рус.).

Князь Петр Андреевич Вяземский (1792–1878) – русский поэт, литературный критик, историк, переводчик, публицист, мемуарист, государственный деятель.

Художник П.Ф. Соколов. 1824 г.

*Язвительный поэт, остряк замысловатый,
И блеском колких слов, и шутками богатый,
Счастливый Вяземский, завидую тебе <...>*

(А.С. Пушкин, «Вяземскому», 1821 г.)

Софья Федоровна Пушкина была стройна и высока ростом, с прекрасным греческим профилем и черными как смоль глазами, и была очень умная и милая девушка.

Е. П. Янькова по записи Д. Благово.

Рассказы бабушки. СПб., 1885, стр. 460.

Б. Л. Модзалевский доказывает (Пушкин и его с-ки, вып. IV, с. 102), что бабушка Янькова перепутала сестер, и что приведенная характеристика относится к Анне Федоровне Пушкиной, к Софье Федоровне относится следующая: «меньшая, маленькая и субтильная блондинка, точно саксонская куколка, была прехорошенькая, преживая и превеселая, и хотя не имела ни той поступи, ни осанки, как ее сестра, но личиком была, кажется, еще милее». В первом издании этой книги я выразил свое согласие с Б. Л. Модзалевским, Теперь, однако, думаю, что он неправ. Два ближайшие друга Пушкина, Нащокин и Соболевский, свидетельствуют

(см. след. выписку), что в стихотворении «Ответ Ф. Т.» поэт говорит о С. Ф. Пушкиной. Вот это стихотворение:

Нет, не черкешенка она;
Но в доли Грузии от века
Такая дева не сошла
С высот угрюмого Казбека.
Нет, не агат в глазах у ней.
Но все сокровища Востока
Ее полуденного ока.

Описание вполне подходит к описанию, даваемому Янъковой Софье Федоровне. Да и на дошедших портретах Софии Пушкиной мы видим совершенно «полуденную» брюнетку.

Ответ Ф. Т. *** («Нет, не черкешенка она»). Здесь говорится о г-же Паниной, урожденной Пушкиной, в которую Пушкин был влюблен. (Да – приписка Соболевского.) Стихотворение написано в Москве.

П. В. Нащокин по записи Бартенева.

Рассказы о Пушкине, 29.

Я имел счастье представить государю императору комедию вашу о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве. Его величество изволил прочесть оную с большим удовольствием и на поднесенной мною по сему предмету записке собственноручно написал следующее: «Я считаю, что цель г. Пушкина

была бы выполнена, если бы с нужным очищением переделал комедию свою в историческую повесть или роман, наподобие Вальтера Скотта».

А. Х. Бенкендорф – Пушкину, 14 дек. 1826 г., из Петербурга.

По возвращении из деревни (19 декабря), куда он ездил на короткое время, Пушкин приехал прямо ко мне и жил в том же доме Ренкевича, который, как сказано, на Собачьей площадке стоит лицом, а задом выходит на Молчановку.

С. А. Соболевский – м. Н. Лонгинову, 1855 г.

П-н и его совр-ки, XXXI–XXXI 1, 40.

(Приехав в Москву 19 дек., Пушкин остановился у Соболевского на Собачьей Площадке в доме Ренкевича, в посл. Левенталь.) Мы ехали с Лонгиновым через Собачью Площадку; сравнившись с углом ее, я показал товарищу дом Ренкевича, в котором жил я, а у меня Пушкин. Сравнялись с прорубленную мною дверь в переулок – видим на ней вывеску «Продажа вина» и пр. Вылезли из возка и пошли туда. Дом совершенно не изменился в расположении; вот моя спальня, мой кабинет, та общая гостиная, в которую мы сходились из своих половин, и где заседал Александр Сергеевич в самоедском ергаке. Вот где стояла кровать его; вот где так нежно возился и нянчился он с маленькими датскими щенятами. Вот где он выронил, – к счастью, что не в каби-

нете императора! – свое стихотворение на 14 декабря, что с час времени так его беспокоило, что оно не нашлось. Вот где собирались Веневитинов, Киреевский, Шевырев, Рожалин, Мицкевич, Баратынский, вы, я... и другие мужи, вот где болталось, смеялось, вралось и говорилось умно!

С. С. (С. А. Соболевский). «Русский», газета политич. и литерат., 1867, лист 7 и 8, стр. 111.

Помню, помню живо этот знаменитый уголок, где жил Пушкин в 1826 и 1827 году, помню его письменный стол между двумя окнами, над которым висел портрет Жуковско-го с надписью: «Ученику-победителю от побежденного учителя». Помню диван в другой комнате, где за вкусным завтраком – хозяин был мастер этого дела – начал он читать мою повесть «Русая коса» и, дойдя до места, где один молодой человек выдумал новость другому, любителю словесности, чтобы вырвать его из задумчивости: «Жуковский перевел байронова Мазепу», вскрикнул с восторгом: «Как! Жуковский перевел Мазепу!». Там переписал я ему его Мазепу, поэму, которая после получила имя Полтавы. Однажды мы пришли к Пушкину рано с Шевыревым за стихотворением для «Московского Вестника», чтоб застать его дома, а он еще не возвращался с прогульной ночи и приехал при нас. Помню, как нам было неловко, в каком странном положении мы очутились – из области поэзии в области прозы.

М. П. (М. П. Погодин). Там же, стр. 112.

Дом Ренкевича, затем Левенталья сохранился в Москве до настоящего времени. Это угловой одноэтажный деревянный оштукатуренный дом; стоит он на самом углу Борисоглебского переулка и Собачьей площадки (на противоположной стороне от него Кречетниковский пер.); теперешний его № 12. Во внешнем виде он утратил прежний облик жилого дома-флигеля: окна переделаны в широкие квадратные витрины, проделано много дверей на улицу для отдельных торговых помещений. Изменился и внутренний вид: переделаны и сняты прежние перегородки комнат, частично уничтожены полы и накаты (напр., в керосиновой лавке).

*А. А. Лапин. Книга воспоминаний о Пушкине.
М., Изд. «Мир», 1931, стр. 285.*

По первопутке прибыл в Москву и остановился у Соболевского. Его кофей с пастилой, майор Носов, знавший бездну прибауток, по ночам просиживал у Марьи Ивановны Корсаковой, когда она спала... Часто у Зинаиды Волконской бывает.

П. В. Анненков. Записи.

Б. Модзалевский. Пушкин, 1929, стр. 339.

Я устал и болен, потому Вам и не пишу более.

Пушкин – Н. М. Языкову, 21 дек. 1826 г., из Москвы.

27 дек. 1826 г. Вчера провел я вечер, незабвенный для ме-

ня. Я видел несчастную княгиню Марию Волконскую, коей муж сослан в Сибирь, и которая сама отправляется в путь вслед за ним, вместе с Муравьевой. Она нехороша собой, но глаза ее чрезвычайно много выражают. Третьего дня ей минуло двадцать лет. Эта интересная и вместе могучая женщина – больше своего несчастья. Она его преодолела, выплакала; источник слез уже иссох в ней.

Она чрезвычайно любит музыку. В продолжении всего вечера она все слушала, как пели, когда один отрывок был отпет, она просила другого. До двенадцати часов ночи она не входила в гостиную, потому что у кн. З. (Зинаиды Александровны Волконской: она и Мария Николаевна были жены двух братьев Волконских) много было, но сидела в другой комнате за дверью, куда к ней беспрестанно ходила хозяйка, думая о ней только и стараясь всячески ей угодить. Отрывок из «Agnes» del Maestro Paer был пресечен в самом том месте, где несчастная дочь умоляет еще несчастнейшего родителя о прощении своем. Невольное сближение злосчастья Агнессы или отца ее с настоящим положением невидимо присутствующей родственницы своей отняло голос и силу у кн. Зинаиды, а бедная сестра ее по сердцу принуждена была выйти, ибо залилась слезами и не хотела, чтобы это заметили в другой комнате. Остаток вечера был печален. Когда все разъехались и осталось только очень мало самых близких и входящих к кн. Зинаиде, она вошла сперва в гостиную, села в угол, все слушала музыку, которая для нее не переставала, потом

приблизилась к клавикордам, села на диван, говорила тихим голосом очень мало, изредка улыбалась. Для нее велела кн. Зинаида изготовить ужин, ибо становилось уже очень поздно, и заметно было, что она устала. Во время ужина старалась нас всех развлечь от себя, говоря вообще очень мало, но говоря о предметах посторонних. Когда встали из-за стола, она тотчас пошла в свою комнату. И мы уехали уж после двух часов.

А. В. Веневитинов. Рус. Стар., 1875, т. 12, стр. 822.

Ср. рус. стар., 1878, т. 21, стр. 140.

В Москве я остановилась у Зинаиды Волконской, моей невестки, которая приняла меня с такой нежностью и добротой, которых я никогда не забуду: она окружила меня заботами, вниманием, любовью и состраданием. Зная мою страсть к музыке, она пригласила всех итальянских певцов, которые были тогда в Москве, и несколько талантливых певиц. Прекрасное итальянское пение привело меня в восхищение, а мысль, что я слышу его в последний раз, делала его для меня еще прекраснее. Дорогой я простудилась и совершенно потеряла голос, а они пели как раз те вещи, которые я изучила лучше всего, и я мучилась от невозможности принять участие в пении. Я говорила им: «Еще, еще! Подумайте только, ведь я никогда больше не услышу музыки!». Пушкин, наш великий поэт, тоже был здесь... Во время добровольного изгнания нас, жен сосланных в Сибирь, он был полон самого

искреннего восхищения: он хотел передать мне свое «Послание к узникам» («Во глубине сибирских руд») для вручения им, но я уехала в ту же ночь, и он передал его Александри-не Муравьевой. Пушкин говорил мне: «Я хочу написать со-чинение о Пугачеве. Я отправлюсь на места, перееду через Урал, проеду дальше и приду просить у вас убежища в Нер-чинских рудниках».

*Кн. М. Н. Волконская. Записки. Изд. 2-е.
М., «Прометей», 1914, стр. 61-64.*

О ты, пришедшая отдохнуть в моем жилище! Образ твой овладел моей душой. Твой высокий стан встает передо мною, как великая мысль, и мне кажется, что твои грациозные дви-жения создают мелодию, какую древние приписывали небес-ным звездам. У тебя глаза, волосы и цвет лица, как у дочери Ганга, и жизнь твоя, как ее, запечатлена долгом и жертвою. «Когда-то, говорила ты, мой голос был звучен, но страдания заглушили его»... Как ты вслушивалась в наши голоса, когда мы пели около тебя хором! – «Еще, еще!» – повторяла ты. – «Ни завтра, никогда уже не услышу музыки!»

*Кн. З. А. Волконская. Oeuvres choisies de la pr-sse Voikonsky.
Paris et Carlsruhe, 1865, p. 253 (фр.).*

28 дек. 1826 г. у Пушкина (т. е. в описанной выше квар-тире Соболевского). Досадно, что свинья Соболевский свин-ствует при всех. Досадно, что Пушкин в развращенном виде

пришел при Волкове.

М. П. Погодин. Дневник. Ник. Барсуков.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. II, изд. 2-е, стр. 64.

Как поэт, как человек минуты, Пушкин не отличался полной определенностью убеждений. Стихи («Во глубине сибирских руд...») были принесены в Москве, в начале 1827 г., самим Пушкиным А. Г. Муравьевой, перед отъездом ее в Сибирь к ее супругу. Прощаясь с нею, Пушкин так крепко сжал ее руку, что она не могла продолжать письма, которое писала, когда он к ней вошел.

П. И. Бартенев. Рус. арх., 1874, II, 703.

В 1827 г., когда Пушкин пришел проститься с А. Г. Муравьевой, ехавшей в Сибирь к своему мужу, Пушкин сказал ей: «Я очень понимаю, почему эти господа не хотели принять меня в свое общество: я не стоил этой чести».

И. Д. Якушкин. Записки. М., 1908, стр. 48.

(1826 – 1827.) Мы увидали Пушкина с хором Благородного Собрания. Внизу было многочисленное общество, среди которого вдруг сделалось особого рода движение. В залу вошли два молодые человека. Один был блондин, высокого роста; другой – брюнет, роста среднего, с черными, кудрявыми волосами и выразительным лицом. «Смотрите, – сказали нам, – блондин – Баратынский, брюнет – Пушкин». Они

шли рядом, им уступали дорогу. В конце залы Баратынский с кем-то заговорил. Пушкин стал подле белой мраморной колонны, на которой был бюст государя, и облокотился на него.

Т. П. Пассек. Из дальних лет.

Воспоминания. Т. 1, СПб., 1878, стр. 221.

(1826 – 1827.) Особенно памятна мне одна зима или две, когда не было бала в Москве, на который бы не приглашали Григ. Ал. Корсакова и меня. После пристал к нам и Пушкин. Знакомые и незнакомые зазывали нас и в Немецкую слободу, и в Замоскворечье. Наш триумvirат в отношении к балам отслуживал службу свою, на подобие бригадиров и кавалеров ев. Анны, непреременных почетных гостей, без коих обойтись не могла ни одна купеческая свадьба, ни один именинный обед.

Кн. П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., VII, 171.

Помню, что в те времена я не раз носилась в вихре вальса с Ал. Серг. Пушкиным. Веселое и беззаботное было время.

Е. А. Сабанеева. Воспоминания о былом.

СПб., 1914, стр. 92.

(Зимой 1826 – 1827 г.) Приветливо встретил меня Пушкин и показал живое участие к молодому писателю, без всякой литературной спеси или каких-либо следов протекции, потому что, хотя он и чувствовал всю высоту своего гения,

но был чрезвычайно скромнен в его заявлении. Общим центром для литераторов и вообще для любителей всякого рода искусств, музыки, пения, живописи служил тогда блестящий дом княгини Зинаиды Волконской, урожденной княжны Белозерской. Эта замечательная женщина, с остатками красоты и на склоне лет, хотела играть роль Коринны и действительно была нашей русскою Коринною. Она писала и прозою, и стихами. Все дышало грацией и поэзией в необыкновенной женщине, которая вполне посвятила себя искусству. По ее аристократическим связям собиралось в ее доме самое блестящее общество первопрестольной столицы; литераторы и художники обращались к ней как к некоторому меценату. Страстная любительница музыки, она устроила у себя не только концерты, но и итальянскую оперу, и являлась сама на сцене в роли Танкреда, поражая всех ловкою игрою и чудным голосом: трудно было найти равный ей контральто. В великолепных залах Белосельского дома оперы живые картины и маскарады часто повторялись во всю эту зиму, и каждое представление обставлено было с особенным вкусом, ибо княгиню постоянно окружали итальянцы. Тут же, в этих салонах, можно было встретить и все, что только было именитого на русском Парнасе. Часто бывал я на ее вечерах и маскарадах, и тут однажды, по моей неловкости, случилось мне сломать руку колоссальной гипсовой статуи Аполлона, которая украшала театральную залу. Это навлекло мне злую эпиграмму Пушкина, который, не разобрав стихов, сейчас

же написанных мною в свое оправдание на пьедестале статуи, думал прочесть в них, что я называю себя соперником Аполлона.

*А. Н. Муравьев. Знакомство с русскими поэтами.
Киев, 1871, стр. 11.*

Вот эти стихи Муравьева:
О, Аполлон! Поклонник твой
Хотел померяться с тобой,
Но оступился и упал.
Ты горделивца наказал;
Хотя пожертвовал рукой,
Зато остался он с ногой.

(Рус. арх. 1885, I, 132).

Эпиграмма Пушкина:

Лук звенит, стрела трепещет,
И, клубясь, издох Пифон,
И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон!
Кто ж вступился за Пифона,
Кто разбил твой истукан?
Ты, соперник Аполлона,
Бельведерский Митрофан.

Ответная эпиграмма Муравьева:

Как не злиться Митрофану?
Аполлон обидел нас:
Посадил он обезьяну
В первом месте на Парнас.

Княгиня Зин. Ал. Волконская занимала Белосельский огромный дом на Тверской, против церкви св. Дмитрия Солунского... Ее салон был сборным местом художников и литературных знаменитостей... А. Н. Муравьев, тогда армейский драгунский молодой офицер... раз отломив нечаянно (упираю на это слово) руку у гипсового Аполлона на парадной лестнице Белосельского дома, тут же начертил какой-то акrostих. Могу сказать почти утвердительно, что А. С. Пушкина при том не было.

Граф М. Д. Бутурлин. Записки. Рус. Арх., 1887, II, стр. 178.

Встречался я с Пушкиным довольно часто в салонах княгини Зинаиды Волконской. На этих вечерах любимую забавою молодежи была игра в шарады. Однажды Пушкин придумал слово; для второй части его нужно было представить переход евреев через Аравийскую пустыню. Пушкин взял себе красную шаль княгини и сказал нам, что он будет изображать «скалу в пустыне». Мы все были в недоумении от такого выбора: живой, остроумный Пушкин захотел вдруг изображать неподвижный, неодушевленный предмет. Пушкин взо-

брался на стол и накрылся шалью. Все зрители уселись, действие началось. Я играл Моисея. Когда я, по уговору, прикоснулся жезлом (роль жезла играл веер княгини) к скале, Пушкин вдруг высунул из-под шали горлышко бутылки, и струя воды с шумом полилась на пол. Раздался дружный хохот и зрителей, и действующих лиц. Пушкин соскочил быстро со стола, очутился в минуту возле княгини, а она, улыбаясь, взяла Пушкина за ухо и сказала: «Mauvais sujet que vous etes, Alexandre, d'avoir represante de la sorte le rocher!» («Этакий вы плутишка, Александр, как вы изобразили скалу!»).

Л. Н. Обер. Мое знакомство с Пушкиным.

Русский Курьер, 1880, № 158.

В Москве дом кн. Зинаиды Волконской был изящным сборным местом всех замечательных и отборных личностей современного общества. Тут соединялись представители большого света, сановники и красавицы, молодежь и возраст зрелый, люди умственного труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники. Все в этом доме носило отпечаток служения искусству и мысли. Бывали в нем чтения, концерты, дилетантами и любительницами представления итальянских опер. Посреди артистов и во главе их стояла сама хозяйка дома. Слышавшим ее нельзя было забыть впечатления, которые производила она своим полным и звучным контральто и одушевленную игрою в роли Танкреда в опере Россини.

Нужно отобрать суду показание от прикосновенного к делу А. Пушкина: им ли сочинены известные стихи, когда, с какой целью они сочинены, почему известно ему сделалось намерение злоумышленников, в стихах изъявленное, и кому от него сии стихи переданы. В случае же отрицательства, не известно ли ему, кем оные сочинены.

Комиссия военного суда, учрежденная лейб-гвардии при конно-егерском полку (по делу Леопольдова, Молчанова и Алексева) – в отношении своем к московскому обер-полицеймейстеру, 13 янв. 1827 г.

Пушкин и его совр-ки, XI, 27.

Призывал я к себе сочинителя А. Пушкина и требовал от него показание, но г-н Пушкин дал мне отзыв, что он не знает, о каких известных стихах идет дело, и просит их увидеть, и что не помнит стихов, могущих дать повод к заключению, почему известно ему сделалось намерение злоумышленников, в стихах изъясненное, по получении же оных он даст надлежащее показание.

А. С. Шульгин (московский обер-полицеймейстер) – Комиссии военного суда, 19 янв. 1827 г. Пушкин и его совр-ки, XI, 28.

Комиссия постановила послать к г. московскому обер-по-

лицейстеру список имеющихся при деле стихов в особо запечатанном от комиссии конверте на имя самого А. Пушкина и в собственные руки его: но с тем, однако ж, дабы г. полицмейстер по получении им означенного конверта, не медля нисколько времени, отдал оный лично Пушкину и по прочтении им тех стихов приказал ему тотчас же оные запечатать в своем присутствии его, Пушкина, собственною печатью и таковою же другою своею; а потом сей конверт, а следующее от него, А. Пушкина, надлежащее показание по взятии у него не оставил бы, в самой наивозможной поспешности, доставить в сию комиссию при отношении.

Комиссия военного суда – москов. обер-полицмейстеру, 22 янв. 1827 г. П-н и его совр-ки, XI, 29.

Я пригласил Пушкина к себе, отдал ему пакет лично, который им при мне и был распечатан. По отобрании же от него, г. Пушкина, надлежащего показания, оное вместе с теми стихами запечатаны в присутствии моем его собственною печатью и таковою же моею в особый конверт, который при сем честь имею препроводить.

А. С. Шульгин, моск. обер-полицмейстер – Комиссии военного суда, 27 янв, 1827 г. П-н и его совр-ки, XI, 30.

(Стихи оказались не пропущенным цензурою отрывком из пушкинской элегии «Андрей Шенье», над которым кто-то надписал: «На 14 декабря».)

Сии стихи действительно сочинены мною. Они были написаны гораздо прежде последних мятежей и помещены в элегии «Андрей Шенье», напечатанной с пропусками в собрании моих стихотворений. Они явно относятся к французской революции, коей А. Шенье стал жертвою. (Следует подробное объяснение отдельных стихов отрывка.) Все сии стихи никак, без явной бессмыслицы, не могут относиться к 14 декабря. Не знаю, кто над ними поставил сие ошибочное заглавие. Не помню, кому мог я передать мою элегию А. Шенье. Для большей ясности повторяю, что стихи, известные под заглавием «14 декабря», суть отрывок из элегии, названной мною «Андрей Шенье».

Александр Пушкин. 27 янв. 1827 г. Москва.

П.-н. и его совр-ки, XI, 31.

Просьба Н. О. Пушкиной (матери поэта, поданная летом 1826 года) лишь 4 января 1827 года была заслушана в заседании комиссии прошений, и постановлено было довести прошение Пушкиной до высочайшего сведения. Это было сделано 30 января 1827 г., при чем прошение Пушкиной при представлении его царю было изложено несколько иначе: «Надежда Пушкина, – читаем здесь, – изъясняя, что сын ее имел несчастье навлечь на себя гнев покойного государя императора, почему последовало высочайшее повеление жить ему в деревне, где находится уже третий год, одержим болезнью и без всякой помощи, но ныне, усматривая, что созна-

ние ошибок и желание заглазить поведением следы молодости успели остепенить ум и страсти, – просит о возвращении его к семейству по даровании прощения». Прочтя подлинный доклад комиссии, Николай I поставил условный карандашный знак его рассмотрения, а рукою докладчика статс-секретаря Н. М. Лонгинова сделана на докладе помета: «Высочайшего соизволения не последовало 30 января 1827 г.».

Б. Л. Модзалевский. Эпизод из жизни Пушкина.

Красная Газета, 1927, № 34.

Зимой 1826-1827, по переезде в наш дом в Чернышевском переулке, я решился, по тогдашней моде, поднести Пушкину, вслед за прочими членами семейства, и мой альбом, недавно подаренный мне. То была небольшая книжка в 32-ю долю листа, в красном сафьяновом переплете; я просил Пушкина написать мне стихи. Дня три спустя Пушкин возвратил мне альбом, вписав в него:

Душа моя Павел!
Держись моих правил;
Люби то-то, то-то,
Не делай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный!

Со времени написания стихов в мой альбом кличка моя в семействе стала «душа моя Павел».

Здесь тоска по-прежнему. Наша съезжая в исправности – частный пристав Соболевский бранится и дерется по-прежнему, шпионы, драгуны, бл. и и пьяницы толкутся у нас с утра до вечера.

Пушкин – П. П. Каверину, 18 февр. 1827 г., из Москвы.

Это было в Москве. Пушкин, как известно, любил играть в карты, преимущественно в штосс. Играя однажды с А. М. Загряжским, Пушкин проиграл все бывшие у него деньги. Он предложил, в виде ставки, только что оконченную им пятую главу «Онегина». Ставка была принята, так как рукопись эта представляла собою тоже деньги, и очень большие (Пушкин получал по 25 руб. асс. за строку), – и Пушкин проиграл. Следующей ставкой была пара пистолетов, но здесь счастье перешло на сторону поэта: он отыграл и пистолеты, и рукопись, и еще выиграл тысячи полторы.

Н. П. Кичеев, со слов А. М. Загряжского.

Рус. стар., 1874, т. 9, стр. 564.

Портрет А.С.Пушкина. Гравюра на меди. Опубликовано в издании «Кавказский пленник» в 1822 г. в типографии А.И.

Герча.

*Великим быть желаю,
Люблю России честь,
Я много обещаю –
Исполню ли? Бог весть!*

(А.С. Пушкин «Про себя». 1817–1820 гг.)

Никакая игра не доставляет столь живых и разнообразных впечатлений как карточная, потому что во время самых больших неудач надеешься на тем больший успех, или просто в величайшем проигрыше остается надежда, вероятность выигрыша. Это я слышал от страстных игроков, напр., от Пушкина (поэта)... Пушкин справедливо говорил мне однажды, что страсть к игре есть самая сильная из страстей.

Ал. Н. Вульф. Дневник. Л. Майков, 190, 211.

Всю зиму и почти всю весну Пушкин пробыл в Москве... Московская его жизнь была рядом забав и вместе рядом торжеств... Он вставал поздно после балов и вообще долгих вечеров, проводимых накануне. Приемная его уже была полна знакомых и посетителей, между которыми находился один пожилой человек, не принадлежавший к обществу Пушкина, но любимый им за прибаутки, присказки, народные шутки. Он имел право входа к Пушкину во всякое время и платил ему своим добром за гостеприимство. В городской жизни, в ее шуме и волнении Пушкин был в настоящей своей сфере.

Москва приняла его с восторгом; везде его носили на руках. Он жил вместе с приятелем своим Соболевским на Собачьей Площадке... Здесь в 1827 г. читал он своего «Бориса Годунова»: вообще читал он чрезвычайно хорошо... В Москве объявил он свое живое сочувствие тогдашним молодым литераторам, в которых особенно привлекала его новая художественная теория Шеллинга, и под влиянием последней, проповедовавшей освобождение искусства, были написаны стихи «Чернь»... Пушкин очень любил играть в карты; между прочим, он употребил в плату карточного долга тысячу рублей, которые заплатил ему «Московский Вестник» за год его участия в нем.

С. П. Шевырев. Л. Майков, 329.

В начале 1827 г. Пушкин жил в Москве. Тогда в Москве читал лекции о французской поэзии некто Декамп (обожатель В. Гюго и новейшей школы и отвергавший авторитеты Вуало, Расина и проч.). Эти лекции читались в зале М. М. Солнцева, дяди Пушкина по Елизавете Львовне. А. П. Елагина по знакомству с Декампом взяла билет и ездила слушать. В самую первую лекцию она встретила там Пушкина, который подсел к ней и во все время чтения смеялся над бедным французом и притом почти вслух. Это совсем уронило лекции. Декамп принужден был не закончить курса, и после

долго в этом упрекали Пушкина.

П. И. Бартенев со слов А. П. Елагиной. Рассказы о П-не, 54.

(17 февр. 1827 г.) В креслах (итальянской оперы) встретил я Пушкина... Я узнал от него о месте его жительства и на другой же день поехал его отыскивать... Он весь еще исполнен был молодой живости и вновь попался на разгульную жизнь; общество его не могло быть моим. Особенно не понравился мне хозяин его квартиры, некто Соболевский... Находка был для него Пушкин, который так охотно давал тогда фамильярничать с собой: он поместил его у себя, потчевал славными завтраками, смешил своими холодными шутками и забавлял его всячески.

Ф. Ф. Вигель. Записки, VII, 134.

Разбор ваш «Памятника Муз» сокращен по настоятельному требованию Пушкина. Вот его слова, повторяемые с дипломатическою точностью: «Здесь есть много умного, справедливого, но автор не знает приличий: можно ли о Державине и Карамзине сказать, что “имена их возбуждают приятные воспоминания”, что “с прискорбием видим ученические ошибки в Державине”»: Державин все – Державин. Имя его нам уже дорого. Касательно живых писателей также не могу я, объявленный участником в журнале, согласиться на такие выражения. Я имею связи. Меня могут почесть соглас-

ным с мнением рецензента. И вообще – не должно говорить о Державине таким тоном, каким говорят об N. N., об S. S. Сим должен отличаться “Московский Вестник”. Оставьте одно общее суждение». Мы спорили во многом, но должны были уступить.

М. П. Погодин – кн. В. Ф. Одоевскому, 2 марта 1827 г., из Москвы. Рус. стар., 1904, № 3, стр. 705.

Милый мой, на днях, рассердясь на тебя и на твое молчание, написал я Веневитинову суровое письмо. Извини: у нас была весна, оттепель – и я ни слова от тебя не получал около двух месяцев – поневоле взбесишься. Теперь у нас опять мороз, весну-дуру мы опять спровадили, от тебя письмо получено – все, слава богу, благополучно... Ты пеняешь мне за «Моск. Вестник» и за немецкую метафизику. Бог видит, как я ненавижу и презираю ее; да что делать! собрались ребята теплые, упрямые: поп свое, а чорт свое. Я говорю: господа, охота вам из пустого в порожнее переливать, все это хорошо для немцев, пресыщенных уже положительными познаниями, но мы... «Моск. Вестн.» сидит в яме и спрашивает: веревка вещь какая? А время вещь такая, которую с никаким «Вестником» не стану я терять. Им же хуже, если они меня не слушают.

Пушкин – бар. А. А. Дельвигу, 2 марта 1827 г.

К Пушкину. Декламировал против философии, а я не мог

возражать дельно, и больше молчал, хотя очень уверен в нелепости им говоренного.

М. П. Погодин. Дневник, 4 марта 1827 г.

П-н и его совр-ки. XIX–XX, 84.

О поэте Пушкине сколько краткость времени позволила мне сделать разведание, – он принят во всех домах хорошо и, как кажется, не столько теперь занимается стихами, как карточной игрой, и променял Музу на Муху, которая теперь из всех игр в большой моде.

А. А. Волков, жандармский генерал, в донесении Бенкендорфу, 5 марта 1827 г. Б. Модзалевский, 35.

Зима наша хоть куда, т. е. – новая. Мороз, и снегу более теперь, нежели когда-либо, а были дни такие весенние, что я поэта Пушкина видал на бульваре в одном фраке.

А. Я. Булгаков – К. Я. Булгакову, 11 марта 1827 г., из Москвы, Рус. арх., 1901, Н, 24.

Март. В субботу на Тверском я в первый раз увидел Пушкина; он туда пришел с Корсаковым, сел с несколькими знакомыми на скамейку и, когда мимо проходили советники гражданской палаты Зубков и Данзас, он подбежал к первому и сказал: «Что ты на меня не глядишь? Жить без тебя не могу». Зубков поцеловал его.

В. Ф. Щербаков. Из заметок о пребывании Пушкина в

Москве. Собр. соч. Пушкина, ред. Ефремова, 1905, т. VIII, стр. 111.

Я часто выдаю Александра Пушкина: он бесподобен, когда не напускает на себя дури.

А. А. Муханов – Н. А. Муханову, 16 марта 1827 г., из Москвы. Щукинский сборник, IV, 127.

Судя по всему, что я слышал и видел, Пушкин здесь на ро-зах. Его знает весь город, все им интересуются, отличнейшая молодежь собирается к нему, как древле к великому Аруэту собирались все имевшие немного здравого смыслу в голове. Со всем тем, Пушкин скучает! Так он мне сам сказал... Пушкин очень переменился и наружностью: страшные черные бакенбарды придали лицу его какое-то чертовское выражение; впрочем, он все тот же, – так же жив, скор и по-прежнему в одну минуту переходит от веселости и смеха к задумчивости и размышлению.

П. Л. Яковлев – А. Е. Измайлову, 21 марта 1827 г., из Москвы. Сборник памяти Л. Н. Майкова. СПб., 1902, стр. 249.

В 1827 г., когда мы издавали «Московский Вестник», Пушкин дал мне напечатать эпиграмму: «Лук звенит» (на А. Н. Муравьева). Встретясь со мною через два дня по выходе книжки, он сказал мне: «А как бы нам не поплатиться за эпи-

грамму». – «Почему?» – «Я имею предсказание, что должен умереть от белого человека или от белой лошади. Муравьев может вызвать меня на дуэль, а он не только белый человек, но и лошадь».

М. П. Погодин. Рус. арх., 1870, стр. 1947.

В 1827 году Пушкин учил меня боксировать по-английски, и я так пристрастился к этому упражнению, что на детских балах вызывал желающих и нежелающих боксировать, последних вызывал даже действием во время самых танцев. Всеобщее негодование не могло поколебать во мне сознания поэтического геройства, из рук в руки переданного мне по-этом-героем Пушкиным. Последствия геройства были, однако, для меня тягостны: меня перестали возить на семейные праздники.

Пушкин научил меня еще и другой игре.

Мать моя запрещала мне даже касаться карт, опасаясь развития в будущем наследственной страсти к игре. Пушкин во время моей болезни научил меня играть в дурачки, употребив для того визитные карточки, накопившиеся в новый 1827 год. Тузы, короли, дамы и валеты козырные определялись Пушкиным, значение остальных не было определено, и эта-то неопределенность и составляла всю потеху: завязывались споры, чья визитная карточка бьет ходы противника. Мои настойчивые споры и цитаты в пользу первенства попавшихся в мои руки козырей потешали Пушкина

как ребенка. Эти непедагогические забавы поэта объясняют-ся его всегдашним взглядом на приличие. Пушкин неизменно в течение всей своей жизни утверждал, что все, что возбуждает смех, – позволительно и здорово, все, что разжигает страсти, – преступно и пагубно... Он так же искренно сочувствовал юношескому пылу страстей и юношескому бро-жению впечатлений, как и чистосердечно, ребячески забав-лялся с ребенком.

Кн. Павел Вяземский. Сочинения, стр. 511-513.

Княгиня Вяземская говорит, что Пушкин был у них в до-ме как сын. Иногда, не заставая их дома, он уляжется на большой скамейке перед камином и дожидается их возвра-щения или возится с молодым князем Павлом. Раз княгиня застала, как они барахтались и плевали друг в друга.

П. И. Бартенев со слов кн. В. Ф. Вяземской.

Рус. арх., 1888, II, 310.

Любила В. Ф. Вяземская вспоминать о Пушкине, с кото-рым была в тесной дружбе, чуждой всяких церемоний. Бы-вало, зайдет к ней поболтать, посидит и жалобным голосом попросит: «Княгиня, позвольте уйти на суденышко!» – и, по-лучив разрешение, уходил к ней в спальню за ширмы.

С. Ш. (граф С. Д. Шереметьев). «Из семейной старины». Старина и новизна, VI, 331.

Князь Вяземский во время приезда Петра Андреевича Габбе в Москву доставил ему случай познакомиться с Пушкиным. При входе Габбе к князю Вяземскому в гостиную Пушкин, – как рассказывал мне Габбе, – увивался около супруги князя и других тут бывших дам. Князь, обменявшись со своим гостем приветами, обратился к Пушкину с приглашением на пару слов. Знакомство началось без представления одного другому, и это, кажется, показывало, что один как либеральный поэт, а другой как либеральная высокого ума личность не должны были входить в расчет представлений, что обыкновенно представляемый всегда становился ниже того, кому его представляют. Пушкин сел на лежанку камина, свеся одну ногу на угол лежанки, и, несколько согнувшись, принял участие в разговоре стоявших подле него князя и Габбе. Речь пошла о недавно вышедшей какой-то поэме Языкова; князь находил в тех местах красоты, которыми Пушкин не сильно восхищался. Разговор продолжался с час, и Габбе убедился, что знаменитый наш народный поэт более гениальный, нежели ученый поэт.

Н. В. Веригин. Записки. рус. стар., 1893, т. 78, стр. 115.

Я знаком с Пушкиным, и мы часто встречаемся. Он в беседе очень остроумен и увлекателен; читал много и хорошо, хорошо знает новую литературу; о поэзии чистое и возвышенное понятие.

Адам Мицкевич – Э. А. Одыньцу, в марте 1827 г.

В конце двадцатых годов в Москве славился радушием и гостеприимством дом кн. Александра Мих. и кн. Екат. Пав. Урусовых. Три дочери кн. Урусова, красавицы, справедливо считались украшением московского общества. Старшая из них, Мария, была замужем за гр. А. И. Мусиным-Пушкиным; вторая, Софья, вышла впоследствии за кн. Льва Радзивилла, а третья была потом в замужестве за гр. Кутайсовым. Почти каждый день собирался у Урусовых тесный кружок друзей и знакомых, преимущественно молодых людей. Здесь бывал П. А. Муханов, блестящий адъютант знаменитого графа П. А. Толстого; сюда же постоянно являлся родственник кн. Урусовой, артиллерийский офицер В. Д. Соломирский, человек образованный, хорошо знавший английский язык, угрюмый поклонник поэзии Байрона и скромный продолжатель ему в стихах. Соломирский был весьма неравнодушен к одной из красавиц-княжон Урусовых. В том же доме особенно часто появлялся весной 1827 г. Пушкин. Он, проводя почти каждый вечер у кн. Урусова, бывал весьма весел, остер и словоохотлив. В рассказах, импровизациях и шутках бывал в это время неистощимым. Между прочим, он увлекал присутствовавших прелестною передачею русских сказок. Бывало, все общество соберется вечерком кругом большого круглого стола, и Пушкин поразительно увлекательно переносит слушателей своих в фантастический мир, насе-

ленный ведьмами, домовыми, лешими и пр. Материал, добытый им в долговременное пребывание в деревне, разукрашаем был вымыслами его неистощимой фантазии, при чем Пушкин ловко подделывался под колорит народных сказаний. – Во время этих посещений Пушкин, еще по петербургской своей жизни бывший коротким приятелем Муханова, сблизился и с Соломирским. Пушкин подарил ему сочинения Байрона, сделав на книге надпись в весьма дружественных выражениях. Тем не менее, ревнивый и крайне самолюбивый Соломирский чем чаще сходил с Пушкиным у кн. Урусова, тем становился угрюмее и холоднее к своему приятелю. Особенное внимание, которое встречал Пушкин в этом семействе, и в особенности внимание молодой княжны, возбуждало в нем сильнейшую ревность. Однажды Пушкин, шутя и балагурия, рассказал что-то смешное о графине А. В. Бобринской. Соломирский, мрачно поглядывавший на Пушкина, по окончании рассказа счел нужным обидеться: «Как вы смели отозваться неуважительно об этой особе? – задорно обратился он к Пушкину. – Я хорошо знаю графиню, это во всех отношениях почтенная особа, и я не могу допустить оскорбительных об ней отзывов...» – «Зачем же вы не остановили меня, когда я только начинал рассказ? – отвечал Пушкин. – Почему вы мне не сказали раньше, что знакомы с граф. Бобринской? А то вы спокойно выслушали весь рассказ, и потом каким-то донкихотом становитесь в защитники этой дамы и берете ее под свою протекцию».

Вся эта сцена произошла в довольно тесном кружке обычных гостей кн. Урусова; тут же был и П. А. Муханов, передавший нам подробности происшествия. Затем разговор в тот же вечер не имел никаких последствий, и все разъехались по домам, не обратив на него никакого внимания. Но на другой же день рано утром на квартиру к Муханову является Пушкин. С обычной своею живостью он передал, что в это утро получил от Соломирского письменный вызов на дуэль и, ни минуты не мешкав, отвечал ему, письменно же, согласием, что у него был уже секундант Соломирского, А. В. Шереметев, и что он послал его для переговоров об условиях дуэли к нему, Муханову, которого и просит быть секундантом. Только что уехал Пушкин, к Муханову явился Шереметев. Муханов повел переговоры о мире. Но Шереметев, войдя серьезно в роль секунданта, требовал, чтобы Пушкин, если не будет драться, извинился перед Соломирским (Муханову долго пришлось убеждать Шереметева). Шереметев понял наконец, что эта история падет всем позором на головы секундантов в случае, если будет убит или ранен Пушкин, и что надо предотвратить эту роковую случайность и не подставлять лоб гениального поэта под пистолет взбалмошного офицера. Шереметев поспешил уговориться с Мухановым о средствах к примирению противников. В то же утро Шереметев привел Соломирского к С. А. Соболевскому, на Собачью Площадку, у которого жил в это время Пушкин. Сюда же пришел Муханов, и, при дружных усилиях обоих

секундантов и при посредничестве Соболевского, имевшего, по свидетельству Муханова, большое влияние на Пушкина, примирение состоялось. Подан был роскошный завтрак, и, с бокалами шампанского, противники, без всяких извинений и объяснений, протянули друг другу руки.

М. И. Семевский со слов П. А. Муханова.

К биографии Пушкина. Рус. вестн., 1869, № 11, стр. 81-85. Ср. Н. О. Лернер, Рус. стар., 1907, т. 131, стр. 104 и Б. Л. Модзалевский. Письма, II, 239.

«Княжне С. А. Урусовой» (впоследствии княгине Радзивилл; «Не веровал я Троице доныне...»). Не полагаю, чтобы эти стихи принадлежали Пушкину... Во всяком случае, не написаны они княжне Урусовой. Пушкин был влюблен в сестру ее, графиню Пушкину.

Кн. П. А. Вяземский. Старина и Новизна, кн. VIII, стр. 38.

Соболевский был недоволен приглаженными и припомаженными портретами Пушкина, какие тогда появлялись. Ему хотелось сохранить изображение поэта, как он есть, как он бывал чаще, и он просил известного художника Тропинина нарисовать ему Пушкина в домашнем его халате, растрепанного, с заветным мистическим перстнем на большом пальце. Кажись, дело шло также и об изображении какого-то ногтя на руке Пушкина, особенно отрощенного. Тропинин согласился. Пушкин стал ходить к нему.

Н. В. Берг со слов В. А. Тропинина. Рус. арх., 1871, стр. 191.

Пушкин заказал Тропинину свой портрет, который и подарил Соболевскому. Этот портрет украли; он теперь у кн. Мих. Андр. Оболенского. Для себя Тропинин сделал настоящий эскиз, который после него достался Алексееву. После Алексеева был куплен Н. М. Смирновым, а после Смирнова (ск. 3 марта 1870 г.) подарила его Соболевскому. Апрель 1870 г.

Соболевский. Надпись на бумажном ярлыке на обороте этюда Тропинина к портрету Пушкина.

*А. В. Лебедев. Пушкин в Третьяковской галерее.
М., 1924, стр. 12.*

Одно время отличительным признаком всякого масона был длинный ноготь на мизинце. Такой ноготь носил и Пушкин; по этому ногтю узнал, что он масон, художник Тропинин, придя рисовать с него портрет. Тропинин передавал кн. М. А. Оболенскому, у которого этот портрет хранился, что когда он пришел писать и увидел на руке Пушкина ноготь, то сделал ему знак, на который Пушкин ему не ответил, а погрозил ему пальцем.

М. И. Пыляев. Старая Москва. СПб., 1891, стр. 86.

Сходство (тропининского) портрета с подлинником пора-

зительно, хотя нам кажется, что художник не мог совершенно схватить быстроты взгляда и живого выражения лица поэта. Впрочем, физиогномия Пушкина, – столь определенная, выразительная, что всякий хороший живописец может схватить ее, – вместе с тем и так изменчива, зыбка, что трудно предположить, чтобы один портрет Пушкина мог дать о нем истинное понятие.

Н. А. Полевой. Московский Телеграф, 1827, часть XV, отд. 2, стр. 33.

В доме Ушаковых Пушкин стал бывать с зимы 1826-1827 годов. Вскоре он сделался там своим человеком. «Пушкин, – записывает Н. С. Киселев, – ездил к Ушаковым часто, иногда во время дня заезжал раза три. Бывало, рассуждая о Пушкине, старый выездной лакей Ушаковых, Иван Евсеев, говаривал, что сочинители все делают не по-людски: “Ну, что, прости господа, вчера он к мертвецам-то ездил? Ведь до рассвета прогулял на Ваганькове!”. Это значило, что Ал. С-ч, уезжая вечером от Ушаковых, велел кучеру повернуть из ворот направо, и что на рассвете видели карету его возвращающуюся обратно по Пресне. Часто приезжал он верхом, и если случалось ему быть на белой лошади, то всегда вспоминал слова какой-то известной петербургской предсказательницы (которую посетил он вместе с актером Сосницким и другими молодыми людьми), что он умрет или от белой лошади, или от белокурого человека – из-за жены. Кстати, об этом

предсказании Пушкин рассказывал, что, когда он был возвращен из ссылки и в первый раз увидел императора Николая, он подумал: «Не это ли – тот белокурый человек, от которого зависит его судьба?». Охотно беседовал Пушкин со старухой Ушаковой и часто просил ее диктовать ему известные ей русские народные песни и повторять их напевы. Еще более находил он удовольствия в обществе ее дочерей. Обе они были красавицы, отличались живым умом и чувством изящного.

Л. Н. Майков по записям Н. С. Киселева, сына Ел. Н. Киселевой-Ушаковой. Л. Майков, 361.

Екатерина Ушакова была в полном смысле красавица: блондинка с пепельными волосами, темно-голубыми глазами, роста среднего, густые косы нависли до колен, выражение лица очень умное. Она любила заниматься литературою. Много было у нее женихов; но по молодости лет она не спешила замуж. Старшая, Елизавета, вышла за С. Д. Киселева. – Является в Москву Пушкин, видит Екат. Ник. Ушакову в благородном собрании, влюбляется и знакомится. Завязывается полная сердечная дружба.

П. И. Бартенев. Записная книжка. Рус. арх., 1912, 111, 300.

Вчера мы обедали у (Ушаковых), а сегодня ожидаем их к себе. Меньшая очень, очень хорошенькая, а старшая чрез-

вычайно интересуется меня, потому, что, по-видимому, наш поэт, наш знаменитый Пушкин, намерен вручить ей судьбу жизни своей, ибо уж положил оружие свое у ног ее, т. е., сказать просто, влюблен в нее. Это общая молва. Еще не видевши их, я слышала, что Пушкин во все пребывание свое в Москве только и занимался, что (Ушаковой): на балах, на гуляниях он говорил только с нею, а когда случалось, что в собрании (Ушаковой) нет, то Пушкин сидит целый вечер в углу, задумавшись, и ничто уже не в силах развлечь его!.. Знакомство же с ними удостоверило меня в справедливости сих слухов. В их доме все напоминает о Пушкине: на столе найдете его сочинения, между нотами – «Черную шаль» и «Цыганскую песню», на фортепианах – его «Талисман» и «Копеечку» (?), в альбоме – несколько листочков картин, стихов и карикатур, а на языке беспрестанно вертится имя Пушкина.

Е. С. Телпнева. Из дневника, 22 июня 1827 г.

П-н и его совр-ки, V, 121.

Семейные обстоятельства требуют моего присутствия в Петербурге: приемлю смелость просить на сие разрешения у вашего превосходительства.

Пушкин – гр. А. Х. Бенкендорфу, 24 апр. 1827 г., из Москвы.

Его величество, соизволяя на прибытие ваше в С.-Петербург, высочайше отозваться изволил, что не сомневается в

том, что данное русским дворянином государю своему честное слово вести себя благородно и пристойно будет в полном смысле сдержано.

Гр. А. Х. Бенкендорф – Пушкину, 3 мая 1827 г., из Петербурга. Дела III Отдел. СПб., 1906, стр. 49.

Москва неблагородно поступила с Пушкиным: после неумеренных похвал и лестных приемов охладели к нему, начали даже клеветать на него, взводить на него обвинения в ласкательстве, наушничестве и шпионстве перед государем. Это и было причиной, что он оставил Москву. – Шекспира (а равно Гете и Шиллера) он не читал в подлиннике, а во французском старом переводе, поправленном Гизо, но понимал его гениально. По-английски выучился он гораздо позже, в Петербурге, и читал Вордсворта.

С. П. Шевырев. Л. Майков, 330.

15 мая 1827 г. Туманное небо – мелкий дождик. Обедню слушал в Страстном монастыре... Зашел к Погодину на завтрак, где я нашел Пушкина, К. Вяземского... За столом Пушкин с Баратынским написали на Шаликова след. по случаю рассказанного анекдота:

Князь Шаликов, газетчик наш печальный,
Элегию семье своей читал,
А козачок огарок свечки сальной
В руках со трепетом держал.

Вдруг мальчик наш заплакал, запищал.
«Вот, вот с кого пример берите, дуры!» –
Он дочерям в восторге закричал. –
«Откройся мне, о милый сын природы,
Ах! что слезой твой осребрило взор?»
А тот ему: «Мне хочется на двор».

И. М. Снегирев. Из дневника. П-н и его совр-ки, XVI, 50.

Погодин, делая прощанье Пушкину перед отъездом сего последнего из Москвы, пригласил многих литераторов и поэтов... Они все вместе составляли эпиграммы на кн. Шаликова. Между прочим был рассказан анекдот о последнем (эпиграмма: «Кн. Шаликов, газетчик наш печальный...»).

В. Ф. Щербаков. Из заметок о пребывании Пушкина в Москве. Собр. соч. Пушкина, ред. Ефремова, 1905, т. VIII, стр. 111.

16 мая 1827 г. Когда лег было спать, приехал Пушкин с Соболевским и увезли меня к Полевому на вечеринку.

И. М. Снегирев. Из дневника. П-н и его совр-ки, XVI, 52.

Пушкин и его сотрудники (по «Московскому Вестнику») бывали у Н. А. Полевого и при встрече казались добрыми приятелями. Весною 1827 года у брата был литературный вечер, где собрались все пишущие друзья и недруги; ужинали, пировали всю ночь и разъехались уже утром. Пушкин ка-

зался председателем этого собрания и, попивая шампанское с сельтерской водой, рассказывал смешные анекдоты, читал свои непозволенные стихи, хохотал от резких сарказмов И. М. Снегирева, вспоминал шуточные стихи Дельвига, Баратынского и заставил последнего припомнить написанные им с Дельвигом когда-то рассказы о житье-бытье в Петербурге. Его особенно смешило то место, где в пошлых гексаметрах изображалось столько же вольное, сколько невольное убожество обоих поэтов, которые «в лавочку были должны, руки держали в карманах (перчаток они не имели!)»...

Кс. А. Полевой. Записки 209.

Весною 1827 г. Пушкин спешил отправиться в Петербург, и мы были приглашены проводить его. Местом общего собрания для проводин была назначена дача С. А. Соболевского, близ Петровского дворца. В то время вокруг исторического Петровского дворца, где несколько дней укрывался Наполеон от московского пожара, было несколько старинных, очень незатейливых дач, стоявших отдельно одна от другой, а все остальное пространство, почти вплоть до заставы, было изрыто, заброшено или покрыто огородами, и даже полями с хлебом. – В эту-то пустыню, на дачу Соболевского, около вечера стали собираться знакомые и близкие Пушкина. Мы увидели там Мицкевича... Постепенно собралось много знакомых Пушкина, а он не являлся. Наконец, приехал А. М. Муханов (А. А.) и объявил, что он был вместе с Пушки-

ным на гулянье в Марьиной роще (в этот день пришелся семик), и что поэт скоро приедет. Уже поданы были свечи, когда он явился, рассеянный, невеселый, говорил, не улыбаясь (что всегда показывало у него дурное расположение), и тотчас после ужина заторопился ехать. Коляска его была подана, и он, почти не сказавши никому ласкового слова, укатил в темноте ночи. Помню, что это произвело на всех неприятное впечатление. Некоторые объяснили дурное расположение Пушкина, рассказывая о неприятностях его по случаю дуэли, окончившейся не к славе поэта. В толстом панегирике своем Пушкину г. Анненков умалчивает о подобных подробностях жизни его, заботясь только выставить поэта мудрым, непогрешительным, чуть не праведником.

Кс. А. Полевой. Записки, 210.

Екатерина Николаевна Ушакова (в замужестве Наумова);

1809–1872 гг.). Акварель Ф. Берже. 1830-е гг.

*В отдалении от вас
С вами буду неразлучен <...>*

(А.С. Пушкин «Ек. Н. Ушаковой». 1827 г.)

Александр Пушкин, отправляющийся нынче в ночь, доставит тебе это письмо. Постарайся с ним сблизиться; нельзя довольно оценить наслаждение быть с ним часто вместе, размышляя о впечатлениях, которые возбуждаются в нас его необычайными дарованиями. Он стократ занимательнее в мужском обществе, нежели в женском...

*А. А. Муханов – Н. А. Муханову, из Москвы, 19 мая 1827 г.
Щукинский Сборник, X, 353.*

<...>

Перед женитьбой

(сентябрь 1829 – февраль 1831)

Два важнейших события отмечают рубеж 30-х годов в творчестве Пушкина: полный переход, давно обдуманый, к тому, что позднее стали называть реализмом, и что тогда еще не имело имени (Пушкин называл это «истинным романтизмом»), и решительное изменение жанровой системы – поэт обращается к прозе, к народным песням, к сказкам, записанным еще в Михайловском. Отсюда начинается новый этап в развитии русской литературы. Мысль и слово Пушкина владели умами не одного поколения русских писателей; творчество Достоевского, Толстого, Некрасова, Тургенева, Гончарова, Бунина и других выросло из семян, посеянных Пушкиным именно в эти годы. В 30-м году в Болдине написаны «Повести Белкина», с их сжатой и легкой, как рисунок пером, манерой, «Маленькие трагедии», исполненные исключительного сценического и философского напряжения и необычной мощи выражения. Поразительная виртуозность «Домика в Коломне» сочетается с разнообразием тем, настроений и форм лирики. В Болдине завершен в основном «Евгений Онегин». Русская культура приобрела сокровище, которому не знала и по сей день не знает равных. Талант Пушкина достиг высшей зрелости.

В 1830 году под редакцией Дельвига в Петербурге начинает выходить «Литературная газета» – орган писателей пушкинского круга. Разражается одна из самых яростных войн в истории русской журналистики; обвинения приобрели скоро очень конкретный, личный характер. Поэта обвиняли в раболепии и заискивании перед сильными мира сего (Н. Полевой), чудовищной безнравственности, соединенной с противоестественными наклонностями к либерализму (Ф. Булгарин), в исключительно пародийном значении его творчества, вершиной которого следует считать «Графа Нулина» (Н. Надеждин). Еще больше доставалось его друзьям, менее знаменитым и любимым публикой, особенно Дельвигу как редактору. При этом печатные доносы Булгарин, сотрудничавший в III отделении, подкреплял рукописными. Литературная битва кончилась резким вмешательством правительства, газета была временно закрыта, Дельвиг отстранен от ее руководства. Суровые объяснения с Бенкендорфом, оскорбительные и пугающие, привели к тому, что Дельвиг заболел, и вскоре случайная простуда унесла его из жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.